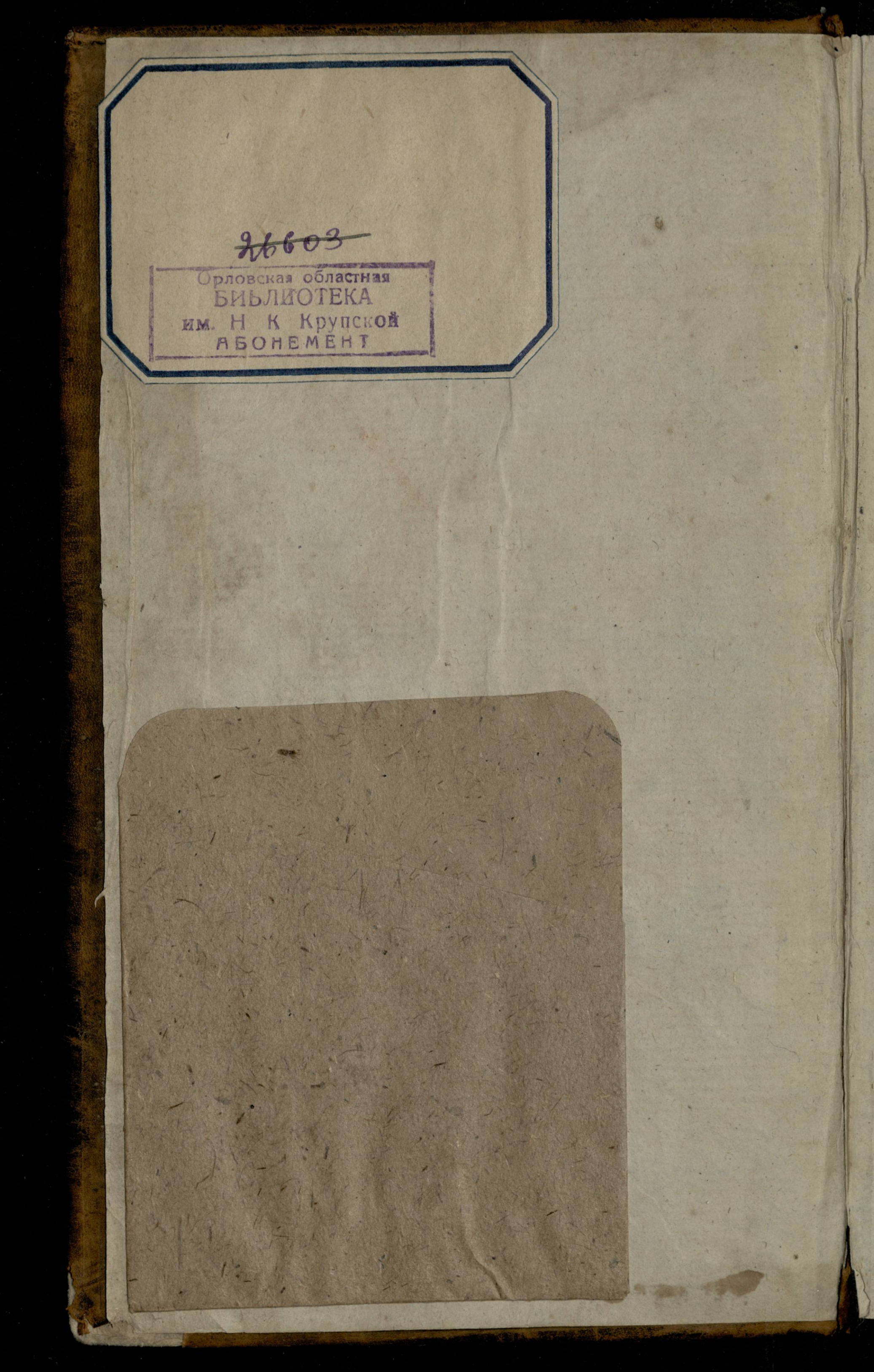
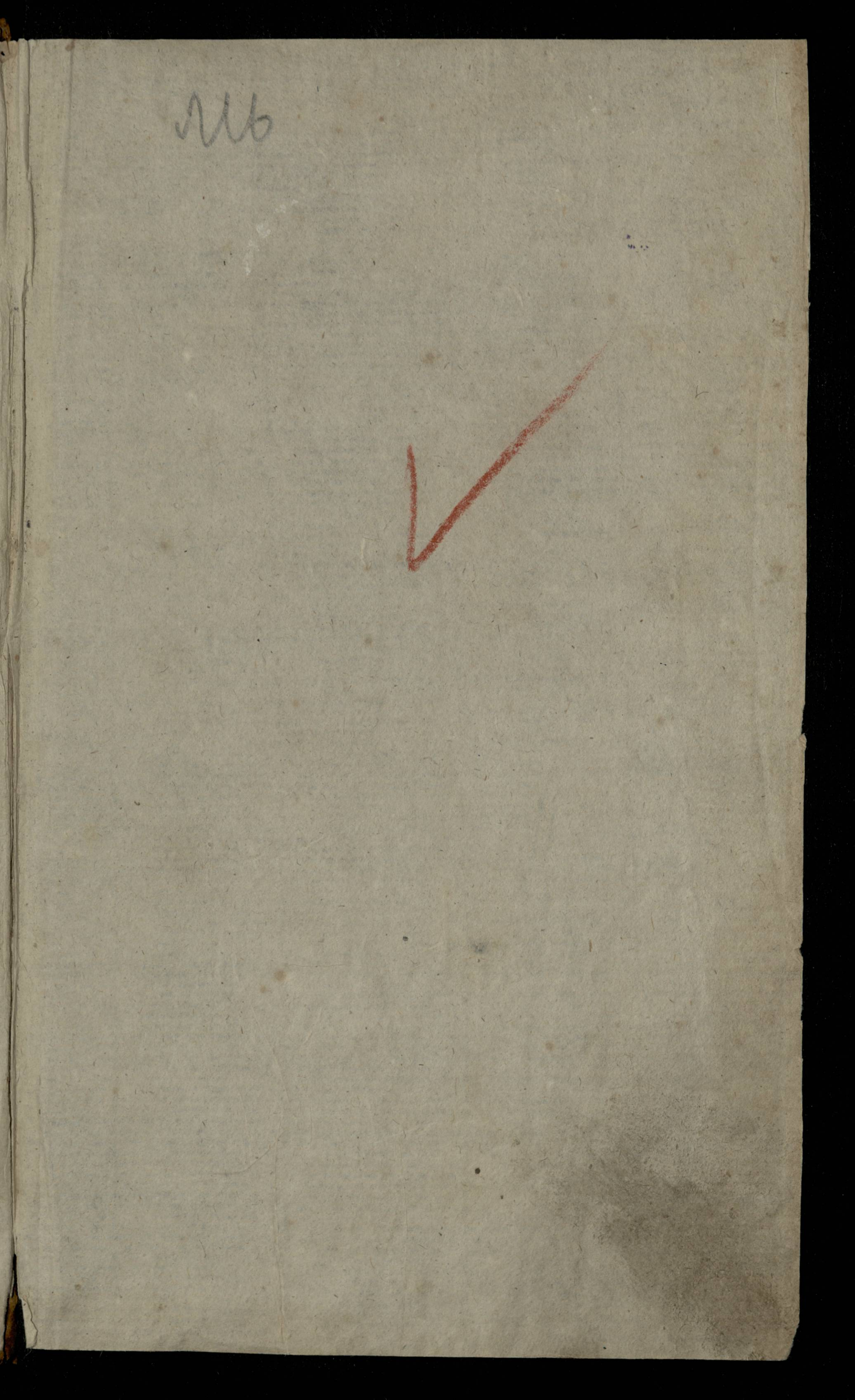

87710
редкая

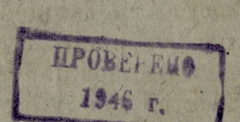

ПЕРВЫЕ ОПЫТЫ
ВЪ ПРОЗѢ И СТИХАХЪ

И. ЛАЖЕЧНИКОВА.

Dans la litterature on accorde l'indulgence à la jeunesse en faveur de l'esperance.

Laharpe.

МОСКВА.

Въ Университетской Типографіи.

1817.

Печатать позволяется съ тѣмъ, чтобы по отпечатаніи, до выпуска въ продажу, представлены были въ Цензурный Комитетъ одинъ экземпляръ сей книги для Цензурнаго Комитета, другой для Департамента Министерства просвѣщенія, два экземпляра для Императорской публичной Библіотеки и одинъ для Императорской Академіи Наукъ. Москва, Мая 25 дня 1817 года. *Ординарный Профессоръ и Ценсоръ Михайло Снѣгиревъ.*

Если основательная *критика* присоединила къ своимъ непремѣннымъ правиламъ сужденіе Лагарпа, что *должно быть снисходительнымъ къ трудамъ молодыхъ литтераторовъ, за которыхъ говоритъ еще надежда;* то я имѣю право ожидать, что *она* не взглянетъ строгимъ взоромъ на первые мои опыты, которыхъ большая часть писана до двадцатилѣтняго возраста.

И. Лажечниковъ.

СОДЕРЖАНІЕ.

ПОВѢСТИ.

Содержаніе.

ПОВѢСТИ.

. . . . . De l'amour la ſensible peinture
Est pour aller au coeur la route la plus ſûre.

Boileau.

I.

Спаская лужайка.

(*Повѣсть.*)

Мы встрѣтились въ первой разъ съ родственникомъ нещастнаго Леонса на Спаской лужайкѣ. Не знаю, что влекло насъ другъ ко другу — я почувствовалъ къ нему какую-то привязанность; онъ полюбилъ меня!

Желтой листъ падалъ на землю, сѣрыя тучи бѣжали по воздушному пространству, и скоро осень сказалась намъ въ унылолъ завываніи вѣтровъ. Новой знакомецъ повѣрилъ мнѣ въ сіе время тайны осиротѣвшаго сердца, повѣрилъ только на гробѣ друга. Послѣ того не долго томился онъ самъ въ бѣдной юдоли нашей, и отдалъ *Богу душу*, которая уже болѣе года тосковала по миломъ, незабвенномъ братѣ.

Я разскажу вамъ въ нѣсколькихъ словахъ исторію любви нещастнаго его родственника; она занимательна для сердецъ чувствительныхъ.

Леонсъ былъ въ Петербургѣ, когда пришло къ нему извѣстіе о смерти матери его.

Всякой сынъ можетъ повѣрить, какъ сразила его сія громовая вѣсть. Потерять вмѣстѣ и друга и наставницу, видѣть разрушенными такъ скоро всѣ милыя мечты будущаго, осиротѣть въ такихъ цвѣтущихъ лѣтахъ, было бы слишкомъ жестокимъ ударомъ для всякаго холоднаго сердца. Посудите же о состояніи Леонса, нѣжнаго, чувствительнаго сына! Пріятели, въ утѣшеніе ему, говорили объ оставшемся отцѣ; а сердце нещастнаго молодаго человѣка отвѣчало имъ: *Леонсу быть сиротою вѣчно!* ...

Годъ прошумѣлъ уже свинцовыми крыльями надъ головою его, со времени, какъ мать его скончалась; но милой, блѣдной образъ ея все еще мечтался нещастному въ туманномъ призракѣ; еще печальной гробъ стоялъ въ отдаленіи, и томной голосъ Анахоретовъ протягивался подъ мрачными сводами; еще не смѣлъ онъ, казалось, отнять губъ своихъ отъ оледенѣлыхъ устъ безцѣнной! Искренность печали Леонсовой тронула его пріятелей; они старались употребить тысячу способовъ на ея развлеченіе; тысячи путей искали къ его сердцу, чтобы найти одинъ, которой могъ бы возвратить его свѣту и разсудку. Ничто не имѣло своего дѣйствія — и Леонсъ,

какъ и прежде, остался вѣренъ своей горести.

Вскорѣ случай призвалъ его въ домъ Г-жи Теановой, богатой вдовы и сосѣдки его по деревнямъ. Тамъ сердце Леонса разцвѣло; тамъ Леонсъ почувствовалъ цѣну жизни и узналъ вторично, что существо наше красится только существомъ другаго. Онъ увидѣлъ Агату, милую дочь новой знакомки своей, полюбилъ ее и былъ щастливъ взаимностію. Агата до семьнадцатой весны своей была жива, какъ поднебесная ласточка; но съ первой минуты, когда показался Леонсъ, веселость невинныхъ лѣтъ исчезла, и мѣсто ея заступила кроткая унылость. Часто большіе черные глаза ея встрѣчались со взорами молодаго человѣка, старались убѣгать ихъ, и опять искали съ ними встрѣтиться. Вездѣ находились они одинъ для другаго: во многолюдствѣ почитали себя только вдвоемъ; въ уединеніи забывали о свѣтѣ и его блестящихъ забавахъ. Г-жа Теанова, хотя семь люстровъ сочла въ жизни своей, была еще привязана къ шумнымъ удовольствіямъ, и наблюдала со всею точностію приличія такъ называемаго *хорошаго тона*. Потому случалось не рѣдко, что прекрасная

дочь ея оставалась наединѣ съ нашимъ Леонсомъ и старою своею теткою. Никакихъ тайностей не таили они другъ отъ друга; упражненія, должности семейственныя, забавы, труды, все было между ими общее; невинные любовники записывали даже въ одномъ журналѣ происшествія жизни своей. Часто тетка заставала ихъ въ ту самую минуту, когда рука Леонсова водила нѣжною рукою Агаты; всегда съ добродушіемъ вырывала у нашихъ друзей *повѣренные листки*, и находила на нихъ слѣдующія замѣчанія: — „Въ такой-то день, въ такой-то часъ я полюбилъ тебя; мнѣ вѣрилось тогда, что матушка съ Агатой снизпослала мнѣ душу свою въ образѣ небеснаго жителя, и я, какъ добрый Христіянинъ, не отрекаюсь теперь отъ прежней вѣры своей.“ — „Два сердца очень хорошо разумѣютъ другъ друга, не говоря ни слова.“ — „Въ девять часовъ ходила я съ тетушкой на островъ ***. Самой нѣжной пухъ ложился рядами вокругъ отлива догарающей зари; скоро исчезъ и послѣдній румянецъ, разсыпались и послѣднія снѣжныя облачка! Боже! — подумала я — мелькнутъ такъ и наши радости! . . . Не уже ли самая любовь живитъ два вѣрныя сердца

на нѣсколько минутъ? не уже ли легкая тѣнь нещастія можетъ разорвать союзъ ихъ — и на вѣки? Боже! не дай мнѣ такой участи. . . . Дѣлить вмѣстѣ и горе и наслажденіе, или принять на устахъ друга послѣдній вздохъ любви; испустить на нихъ же послѣдній вздохъ жизни — вотъ жребій, которому я всегда завидовала! . . . Съ этою мечтою сцѣпились другія, столько же горестныя. Онѣ были прерваны близкимъ шорохомъ, похожимъ на походку человѣка, желающаго укрыться. Я оглянулась, и не видала никого. Нѣсколько времени спустя, Леонсъ признался мнѣ, что этотъ человѣкъ былъ онъ самъ; — признался, какъ онъ узналъ меня и въ нѣкоторомъ разстояніи слѣдовалъ за мною; какъ онъ видѣлъ меня вошедшую въ нижнее жилье богатаго зданія, гдѣ сокрывались нещастія и горести одного бѣднаго семейства; онъ примѣтилъ, какъ проводилъ меня чувствительный сынъ больной Саары; какъ онъ изъ благодарности бросился къ ногамъ моимъ. Я плакала и возвратилась домой съ сердечнымъ удовольствіемъ, что двухъ существъ могла содѣлать щастливыми. Послѣ того цѣлые три дни не вижу моего Леонса, цѣлыя трои сутки была я

въ страшномъ безпокойствѣ. Наконецъ онъ является ко мнѣ съ раскаяніемъ и слезами, и признается въ своей ошибкѣ, изъ которой ревность его состроила-было небылицу и сдѣлала бы меня навсегда нещастною. Мы оба проливали слезы — и я простила ревнивца отъ всего сердца.“ Такимъ образомъ протекли мѣсяцы, и любовь ихъ день ото дня получала новую силу. Агата не смѣла открыться матери, потому что Г-жа Теанова, предпринявъ особенныя для себя правила и пріучивъ себя почитать дочь свою ребенкомъ, положила тѣмъ самымъ между собою и ею большую преграду. Для того милая Агата была гораздо искреннѣе съ доброю теткою, и не таила отъ нея ни одного движенія души своей. Что касается до послѣдней, то она не теряла изъ виду любимой родственницы, и узнавъ чувствованія добродѣтельнаго Леонса, обѣщалась, при благосклонномъ случаѣ, поговорить Г-жѣ Теановой въ ихъ пользу.

Нынѣшній вѣкъ изобрѣлъ новую любовь, называемую *любовію для провожденія времени*. Началомъ ея было желаніе провести безъ скуки нѣсколько часовъ, и превратилось въ побужденіе, среди занятій суетныхъ находить занятіе по-

рочное. Поклонники ея многочисленны, если считать всѣ бездушныя существа отъ мумiи безчувственнаго старика до ученика моднаго свѣта. Леонсъ, молодой человѣкъ съ умомъ, съ чувствами, не могъ не презирать сiю новую любовь, и для того сдѣлалъ обѣтъ въ сердцѣ своемъ любить Агату единственно — до гроба! . . . Увидимъ, не измѣнилъ ли онъ клятвѣ своей?

Конецъ Апрѣля согрѣвался умѣреннымъ дыханiемъ весны; ласточка прилетѣла на родимое гнѣздо, и въ надеждѣ умножить семейство свое, начинала устроивать для него покойную колыбель. Въ сiе время, когда все дышетъ свободнѣе, когда все принимаетъ новую жизнь, непостоянство нрава, или нѣкоторыя затрудненiя по хозяйственнымъ дѣламъ призывали Г-жу Теанову въ подмосковную. Рѣшено было ѣхать немедленно. Леонса короткою запискою увѣдомили о горестномъ отъѣздѣ и просили не покидать больную тетку, остававшуюся въ городѣ; просили также не забывать печальную, осиротѣвшую *Агату*. Молодой человѣкъ былъ въ отчаянiи, плакалъ, цѣловалъ въ восторгѣ безцѣнныя строки, ходилъ къ доброй родственницѣ, говорилъ объ Агатѣ, возвращался домой, засыпалъ

съ мыслію объ Агатѣ и просыпался съ тою же мыслію. Через нѣсколько дней приносятъ на имя его другую записку въ домъ Г-жи Теановой. Въ ней заключалось только слѣдующее: „Не смотря на трудность пути, на разстояніе мѣста, на новыя огорченія и препятствія, не перестаетъ думать о тебѣ

вѣрная до гроба

Агата."

Не льзя описать радости молодаго человѣка. Слезы градомъ катились изъ глазъ его; онъ сталъ на колѣна передъ сестрою Г-жи Теановой, положилъ ея руки въ свои, прижималъ ихъ къ сердцу, и разстался съ нею не прежде полуночи.

Но радости мелькаютъ въ семъ мірѣ, какъ метеоры. Проходили недѣли, и въ грудь нашего Леонса вкралась скука, собесѣдница разлуки; прошли мѣсяцы, и онъ узналъ, какъ тяжко быть отдѣленнымъ дальностію мѣста отъ любезнаго намъ существа. Воспоминанія о прошедшемъ не имѣли уже для него тѣхъ живыхъ красокъ, которыми любилъ онъ оттѣнять картину жизни своей; и самая надежда уже изрѣдка улыбалась ему въ будущемъ. Вы знаете,

что неизвѣстность мучительнѣе самаго нещастнаго опыта; — больно, очень больно любить, не зная, любятъ ли еще насъ! . . . Письмо отъ отца вывело его изъ глубокой задумчивости, въ которую онъ былъ погруженъ съ жестокой минуты горестнаго разлученія, и въ уединеніи и въ кругу пріятелей. Симъ письмомъ призывали его немедленно въ деревню. Леонсъ привыкъ повиноваться. Онъ прощается съ друзьями, которыхъ добрая, чувствительная душа найдетъ и между холодными юртами Лапландцевъ; прощается съ мирными Пенатами хижины своей, и отправляется въ назначенный путь съ какимъ-то неизвѣстнымъ предчувствіемъ.

Что растолковалъ ему опытъ въ семъ предчувствіи? Что ожидало Леонса въ домѣ родительскомъ? Отгадаете ли? . . . Объятія отца, новаго супруга, привѣтствія мачихи и взоръ печальной, угасающій взоръ Агаты! . . . Леонсъ не хочетъ вѣрить глазамъ своимъ, отказывается довѣрять слуху; но Леонсъ не можетъ не вѣрить сердцу своему, никогда не лживому, никогда не выдающему обмана за истину.

Блѣдный, трепещущій, какъ приговоренный къ смерти преступникъ, онъ при-

нимаетъ безъ всякаго участія ласки отца и бывшей Г-жи Теановой, новой супруги его. *Братецъ*! . . . сказала Агата, и слезы помѣшали ей говорить. Нещастный слишкомъ чувствовалъ значеніе етаго слова, и дѣйствіе, какое произвела надъ нимъ сія неожиданная сцена, было самое ужасное. Можно поставить себя на его мѣстѣ! Если бы вы любили такъ истинно, такъ страстно, какъ любилъ Леонсъ; если бы та, которая составляла для васъ все щастіе въ мірѣ, съ невинною душою, съ любовію въ очахъ, прижала васъ къ груди своей; — вы слышали бы трепетаніе робкаго сердца, принимали бы измѣняющееся ея дыханіе — и если бы въ сію минуту грозная, сильная рука вырвала милую изъ объятій вашихъ и показала вамъ ее вдали, въ цѣпяхъ, безъ надежды соединенія: скажите, что произошло бы тогда въ душѣ вашей? . . Ахъ! когда бы можно было не любить, — кто велѣлъ бы намъ, минутнымъ пришельцамъ на сей непостоянной землѣ, кто велѣлъ бы намъ повѣрять сердце слишкомъ обманчивымъ радостямъ любви? . . . Черезъ нѣсколько часовъ оказались въ Леонсѣ сильные признаки горячки. Во все время болѣзни его нещастная Агата не отходила

отъ него ни на минуту; а когда совѣтовали ей поберечь себя, она говорила: съ братцемъ умереть мнѣ пріятнѣе, нежели жить безъ него! . .

Сила искусства, попеченія родства и наконецъ искреннія молитвы любви возвратили Леонса къ жизни. Но что значитъ жить безъ надежды? — Быть мертвымъ, только не въ гробѣ! . . . Нещастный выздоровѣлъ, но не могъ излѣчиться отъ страсти своей; напротивъ того благодарность, присоединившись къ ней въ сердцѣ, еще болѣе раздула пламя ея. Съ своей стороны Агата не могла таить чувствованій своихъ къ молодому человѣку.

Жилище нещастныхъ любовниковъ лежало на берегу Москвы рѣки. На противной сторонѣ небосклонъ закрывался шумнымъ сосновымъ боромъ, изъ котораго протягивалась на немалое разстояніе прямая аллея, примыкавшая къ древнему саду съ кладбищемъ. *Спаская лужайка* служила опушкою сему бору и красилась лѣсочкомъ, въ которомъ дрожащія осины, сплетшись дружно съ могучимъ вязомъ, образовали уединенной кругъ. Здѣсь въ сумракъ вечера бродилъ всякой день Леонсъ; сюда-то уносилъ онъ отъ взоровъ людей, равнодушныхъ къ его

горестямъ, страсть — безнадежную. Часто заря заставала слезы на глазахъ его. Иногда подъ окнами милой Агаты слышимы были звуки любимой его пѣсни. Звуки были самые трогательные! Вотъ нѣкоторые куплеты, удержанные въ памяти его родственникомъ:

Судьбы опредѣленье
Велитъ тебя забыть! . . .
Ужели преступленье
Любезное любить? . . .

✣

Что мнѣнія людскія?
Что свѣта намъ слова?
Природа намъ святыя
Свои дала права.

✣

Природа намъ велѣла
Другъ друга ввѣкъ любить;
Ужель она хотѣла
Преступниковъ творить?

✣

Товарищъ сердцу вѣрной,
О Спаской мирной лугъ!
Не здѣсь, въ сей жизни бѣдной,
Но *тамъ* живетъ мой духъ!

✣

Не рѣдко бури осеннія заставали его на Спаской лужайкѣ; завывали вѣтры, сверкали молніи — и онъ, какъ бѣдный на-

ѣнанникъ изъ отеческаго жилища, молилъ Небеса сразить его послѣднимъ ударомъ; но Небеса не внимали мольбамъ и берегли его для новыхъ страданій.

Вскорѣ отецъ примѣтилъ страсть его къ Агатѣ и спѣшилъ составить планъ для ея разрушенія. Беатусовъ, молодой сосѣдъ ихъ, былъ принятъ въ домѣ, какъ человѣкъ богатой, обладающій нѣсколькими винокуренными заводами, нѣсколькими стаями Діаниной прислуги, какъ автоматъ, играющій довольно важную ролю въ модномъ свѣтѣ, и наконецъ — какъ женихъ Агаты. Ей предложили руку простодушнаго Беатусова. Власть, законы, страхъ — все было употреблено для вынужденія у нее согласія. — „Даю руку, но не сердце!" — сказала она матери, и почти рѣшилась жертвовать всѣмъ жестокому долгу.

Ничто не утаилось отъ страстнаго Леонса; онъ обо всемъ извѣстенъ. Онъ хочетъ навсегда удалиться отъ милой Агаты; но прежде требуетъ у нее свиданія. Она должна придти одна, безъ проводника, безъ помощи! ... Можно ли отказать въ послѣднемъ свиданіи тому, для кого жили и хотѣли умереть? .. И гдѣжъ, въ какое время назначено видѣться? — Боже! что дѣлаетъ Твое со-

зданіе въ изступленіи страсти! ... Глухая полночь, осенняя непогода, волнующаяся рѣка, должны быть свидѣтелями послѣднихъ клятвъ, послѣдняго вздоха любви! ... Челнокъ и вѣрной другъ Агапы приняли ее у берега. „*Любишь ли ты еще меня?*" спросилъ нещастной дрожащимъ голосомъ. — *Боже мой! Ты видишь, люблю ли Леонса!* — отвѣчала она и крѣпко прижалась къ груди его. Онъ трепеталъ; лихорадка струилась по его жиламъ. „*Милой другъ! боишься ли ты смерти?*" сказалъ онъ голосомъ изступленія. — *Смерти съ тобою? ... Нѣтъ!* — „*До гроба — клятва нашихъ сердецъ! Умремъ вмѣстѣ, когда мы вмѣстѣ не могли жить!*" ... *Готова, мой другъ! ... навѣки твоя! ...* — Чуть слышалъ онъ роковое *навѣки*, чуть слышалъ, какъ она молилась въ его объятіяхъ — и имѣлъ еще силу оттолкнуть утлую ладью отъ берега, имѣлъ еще духъ стать на одинъ край ея ... Съ этимъ движеніемъ челнокъ опрокинулся ... Легкой шорохъ ... еще шорохъ ... все утихло ... одинъ геній преступленія леталъ тогда надъ зыблющимся гробомъ нещастныхъ любовниковъ.

Говорятъ, что онъ и поднесь на томъ же самомъ мѣстѣ видѣнъ въ слезахъ умоляющимъ Небо простить двумъ жертвамъ любви. На другой день нашли тѣла злополучныхъ друзей вмѣстѣ плывущія поверхъ воды. Руки бѣдной Агаты оплелись вокругъ Леонсова стана; черты лица на обоихъ выражали одну горесть и, казалось, упрекали людей въ ихъ жестокости. Лѣсокъ Спаской лужайки осѣнилъ ихъ могилу. Дрожащія осины стонутъ и теперь надъ прахомъ ихъ и напоминаютъ бѣдному страннику о непостоянствѣ жизни, въ которой судьба почти всегда смѣшиваетъ терны съ цвѣтущею розою, и тамъ, гдѣ мы надѣялись улыбаться, велитъ проливать горькія слезы.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

II.

ПОРТРЕТЪ.

Истинное произшествіе.

Будемъ ли спорить съ любезнымъ Лафатеромъ и другими краснорѣчивыми Писателями, что лице есть вѣрной слѣпокъ души? — Нѣтъ; мы не только согласимся съ ихъ мнѣніями, но и постараемся утвердить оныя доказательствами. Въ самомъ дѣлѣ, нужно нѣсколько времени прилѣжно разсматривать галлерею живыхъ *портретовъ*, наблюдать оттѣнки ихъ, замѣчать черты — и найти, что душа образуетъ наружность по собственной формѣ.

На примѣръ, если глаза ваши встрѣтятся съ глазами, вертящимися на проволокѣ, здѣсь томными, тамъ веселыми, здѣсь пламенными, тамъ холодными, но чаще смѣлыми; если не улыбка невинности, но принужденная, выученная усмѣшка то манитъ васъ, то удаляетъ; если примѣтите бѣлизну мамонтовой кости, на которой лежатъ слои румянца (кирпичнаго): то говорите смѣло, что это лице — *кокетки*!

Взоры, отражающіе синеву небесъ, которую неосторожность зрителей заставляетъ покрывать прозрачнымъ облачкомъ рѣсницъ; уста, на которыхъ улыбается чуть распустившаяся роза; приливъ и отливъ багрянца на щекахъ: всѣ сіи черты принадлежатъ — *стыдливости*

Живыя искры, быстро вылетающія изъ черныхъ глазъ и быстро погасаемыя слезою; взоры въ небѣ, или на землѣ, но рѣдко между ими; двѣ ямки — сей отпечатокъ любезности, не бывающій *почти* никогда у злобы; верхній кораллъ устъ немного вогнутой внутрь: вотъ образъ — *чувствительности*!

Природа желаетъ щастія своему любимцу, и она-то дала человѣку вѣрное зеркало, по которому онъ видитъ сокровенность подобнаго себѣ, привлекается къ нему, остерегается его и любитъ. Лице есть вѣрное зеркало души.

Говоря о *портретахъ*, разскажу анекдотъ, слышанный мною въ одномъ пріятнѣйшемъ сельскомъ кругу, которой прелести души и тѣла, любовь и дружба связали цѣпію цвѣтовъ неувядаемыхъ. Сладко принимать удовольствіе, но еще слаще передавать его друг[illegible]ь.

,,Миръ! миръ!" восклицалъ П***, возвращаясь на родину послѣ десятилѣтняго странствованія по чуждымъ землямъ, не съ посохомъ путника, но съ мечемъ. — ,,Привѣтствую тебя, земля отеческая, въ которой текли щастливые и безмятежные дни юности! Какія сладкія воспоминанія несетъ мнѣ прошедшее подъ мирною кровлею родительскою! Здѣсь, въ тѣни столѣтняго вяза, сего почтеннаго старца, видѣвшаго рожденіе, любовь и смерть драгоцѣннаго семейства, здѣсь сиживалъ я часто на колѣняхъ нѣжной матери, въ лепетаніи младенца услаждающейся надеждою на добродѣтель его. Тутъ, подлѣ етаго ручейка, бѣгущаго съ рѣзвостію по шелку луговъ, ловилъ я пестрыхъ бабочекъ: — взоръ чувствительнаго друга научалъ меня сожалѣть о бѣдныхъ твореніяхъ и любить ихъ. Тамъ, подлѣ сей развалившейся хижины, израненный отставной солдатъ видѣлъ слезу мою и слабую помощь. Онъ хотѣлъ поднять къ небу изуродованныя руки; но онѣ не повиновались благодарному его сердцу: — взоръ его довольно наградилъ меня! Тамъ, на етомъ перекресткѣ дорогъ, украшенный сѣдиною родитель отпущалъ меня противу враговъ Отечества. ,,Не допусти,

чтобы бѣлые волосы отца были свидѣтелями стыда твоего! Будь мужественъ, щади слабыхъ и люби ближнихъ, какому бы закону они ни слѣдовали, и какому Богу ни покланялись! Прощай!" — сказалъ онъ дрожащимъ голосомъ — слезы заструились по изрытому лѣтами лицу — и пыльное облако сокрыло его отъ глазъ. Любезные друзья! смерть не отняла еще васъ у сердца моего; смерть — слабѣе любви! .."

Такъ говорилъ чувствительный П ***, входя на заросшій крапивою дворъ, съ мыслями унылыми, съ непріятными ощущеніями одиночества. Заря начинала только заниматься; все было спокойно, и сто спокойствіе настроило еще болѣе его душу къ горести. Одна вѣрная собака встрѣтила его, изъявляя свою радость лаемъ и движеніемъ хвоста. П *** раздѣлялъ сію радость и почиталъ себя Улиссомъ, послѣ долголѣтнихъ битвъ и опасностей ступившимъ на родственную землю. Недоставало только вѣрной Пенелопы.

Нѣсколько минутъ спустя, показался огонекъ, и съ нимъ старой служитель, какъ лунь бѣлой. Неподвижный отъ удивленія,

онъ думалъ, что видитъ одну тѣнь молодаго господина, и долго бы остался въ семъ заблужденіи, если бы не вызвалъ его изъ онаго ласковой голосъ П***. На безчисленные вопросы послѣдняго слова лились рѣкою изъ устъ добраго старца.

Чтобы познакомить короче читателя съ главнымъ лицемъ нашей повѣсти, скажемъ только, что — онъ былъ доброй сынъ, храброй и знающій служивой, чувствительной другъ и ... но мы скажемъ о достальномъ послѣ. Лице мужественное, дышущее откровенностію, предваряющее о добротѣ души, заставляло всѣхъ приближенныхъ любить его и почитать. Справедливой во всѣхъ правилахъ жизни, болѣе строгой къ себѣ, нежели къ другимъ, ласковой съ подчиненными, онъ былъ въ своихъ помѣстьяхъ — бережливой хозяинъ, въ лагерѣ — храброй солдатъ, въ кабинетѣ — любезной умствователь, подъ кровомъ бѣдности — ревностной благодѣтель. Сь такими драгоцѣнностями П*** обладалъ еще лучшимъ сокровищемъ: судьба подарила его рѣдкимъ другомъ въ Р***, товарищѣ его по дѣтскимъ играмъ, по воспитанію, по службѣ и наконецъ по согласію чувствъ и мыслей.

И такъ нашъ П*** въ деревнѣ, скачетъ по полямъ, рыщетъ по дубравамъ, занимается хозяйствомъ, охотою; но не менѣе того груститъ отъ своего одиночества. Пойдетъ ли онъ въ любимой лѣсокъ повѣрять деревьямъ прелестныя мечты дней своихъ: никто не отвѣчаетъ ему согласіемъ; лишь только эхо увѣряетъ его, что онъ *одинъ*. Старается ли перелить въ струны чувствованія свои и заставить ихъ говорить о любви: онѣ звучатъ ему: ты *одинъ!* Сидитъ ли за вкуснымъ столомъ и призываетъ аппетитъ съ богинею здравія: зрѣлые плоды, предлагаемые Природою, румяной нектаръ винограда ему отвратительны — онъ *одинъ!* Тщетно старается нашъ герой оживить воображеніемъ картину семейственнаго щастія! Рѣзвые малютки, съ наружностію и душею Ангельскою, не придутъ лепетать ему въ слухъ пріятное имя любви; нѣжная супруга, образъ Божества на землѣ, не отретъ слезы его, не возвратитъ ему ослабѣвшихъ силъ сладкимъ поцѣлуемъ... Тщетно! онъ *одинъ!*

Въ то самое время, какъ нашъ *Цинцциннатъ* болѣе прежняго жаловался на свое одиночество, докладываютъ о пріѣздѣ Р***,

Можно судить, какъ пріятно было хозяину неожиданное посѣщеніе гостя. Дружба долго изливалась въ разговорахъ о настоящемъ, въ воспоминаніяхъ, въ надеждѣ. Какъ скоро кончились пламенныя увѣренія въ дружбѣ, первой вопросъ П*** былъ: „Есть ли у тебя сестра?“ — Есть, и вотъ ея *портретъ*, которой я списалъ въ бытность мою у нее сего мѣсяца. Находишь ли ты въ чертахъ ея сходство семейственное съ лицемъ моимъ? — „Довольно большое! Черты привлекательны! она мила, умна, чувствительна, имѣетъ братомъ моего друга: но пойдетъ ли она за меня за мужъ?“ (Р*** изумился.) — Не знавъ сестры моей, какъ ты можешь судить объ ея характерѣ? — „Не этой наружности обманывать; она доказываетъ прелести душевныя.“ — Ты богатъ; она бѣдна! — „Какая нужда до состояній, когда любовь ихъ уравниваетъ! Если тебѣ нравятся мои мысли, которыхъ твердость не одинъ разъ доказывалъ я на опытѣ, то пиши сей же часъ къ своей сестрѣ, изъяснись ей въ моихъ чувствованіяхъ и предложи мою руку. Ты можешь послать съ письмомъ и мой *портретъ*, которой говоритъ ясно, что мнѣ стукнуло уже тридцать лѣтъ. Живописецъ не скрылъ

въ глазахъ моихъ и душевной огонь, которой никогда не угаснетъ для любви и дружбы.“

Любезной Р*** беретъ перо и объясняетъ сестрѣ причины, побудившія его такъ скоро писать къ ней послѣ разлуки. „Если вы предпочитаете богатству“ — прибавляетъ онъ — „личныя достоинства, то найдете ихъ въ моемъ другѣ. Если желаете присоединить къ послѣднимъ и выгоды состоянія, то можете полюбить рѣдкой союзъ ихъ въ немъ же. Вы сказывали мнѣ, что назначаете руку и вмѣстѣ сердце человѣку, которой былъ бы мною любимъ, былъ честенъ, уменъ и добръ: слѣдственно рука ваша принадлежитъ моему другу. Впрочемъ располагайте собою по вашему желанію.“

Друзья дожидались отвѣта, и онъ былъ благосклоненъ. Софьѣ — такъ называлась прелестная сестра Р*** украшенная четырьмя люстрами — понравились черты присланнаго ей *портрета*. Она писала, что полюбила бы оригиналъ — полюбила бы П*** прежняго товарища ея дѣтскихъ игръ, еще свѣжихъ въ сердцѣ ея, но вѣрно исчезнувшихъ въ памяти будущаго супруга ...

,,Не блескъ золота" — присовокупляла она — ,,прельщаетъ меня, но достоинства души, не покупаемыя цѣною богатства. Съ етой минуты *портретъ* и *сердце* мое принадлежать будутъ другу моего брата. *Первый* напомнитъ глазамъ о щастіи, имъ доставленномъ цѣлому семейству; *второе* постарается доказать ето щастіе съ любовію во всѣхъ опытахъ жизни. Тихія наслажденія, сокрытыя отъ глазъ шумнаго свѣта, завиднѣе для меня удовольствій, заглушающихъ чувства.

П*** обнялъ друга по прочтеніи милыхъ строкъ, и просилъ его отвезть оригиналъ къ оригиналу. Свиданіе общее было прекрасное. Сличая *портреты*, нашли, что обладаніе подлинниками пріятнѣе и выгоднѣе. Скоро Гименей увѣнчалъ чету въ храмѣ любви вѣчной. Нужно ли сказывать, что она была щастлива? . . .

III.

Малиновка,

или

лѣсъ подъ Тулою.

Солнце готово уже было закатиться за кудрявой березовой лѣсъ, переливалось уже каждую минуту болѣе и болѣе въ пунцовой цвѣтъ, и сквозь деревья бросало рѣдкіе лучи; наконецъ оно совсѣмъ скрылось, зарумянивъ отдаленныя возвышенія. Небо было ясно; индѣ разсыпались облачка, подернутыя легкою румяностью. Вѣтерокъ, порхая по ландышамъ и туберозамъ, приносилъ душистой ихъ запахъ. Нѣсколько ручейковъ, раздѣлясь на бесчисленные рукава, скоро сливались опять съ игривымъ журчаніемъ и составляли разнообразные острова, испещренные дикими гвоздиками, кукушкиными слезками и незабудками. Пѣвецъ любви, соловей, изливался въ пѣсняхъ своихъ, и жаворонокъ съ хвалебнымъ гимномъ веснѣ взвивался подъ облака. Природа, казалось, нарочно приготовила сію картину, чтобы сорвать улыбку съ пе-

чальнаго и поселить въ сердцѣ его радостныя чувствованія. Но прекрасная, одинокая *Малиновка* не раздѣляла общаго восторга. Сидя подъ двумя сплетшимися березами, наклонивъ голову на одну изъ нихъ и сложивъ руки, она смотрѣла съ горестію на сизую даль, раза два тяжко вздохнула, задумалась, и слезы канули изъ голубыхъ померкшихъ глазъ ея.

Малиновка была сирота. Родитель ея, знатный Бояринъ, изъ рода Нагихъ и свойственникъ Шуйскимъ, заплатилъ жизнію дань честолюбію Годунова. Вся вина его была въ любви къ нему народной: довольно важная вина въ глазахъ Государя, не основавшаго на любви сей престола своего! Мать ея скончалась, не видавъ улыбки первенца своего, не чувствовавъ сладкаго трепетанія при слухѣ дѣтскаго голоса. *Малиновка* на шестнадцатомъ году была принята дядею вмѣсто собственной дочери. Лѣта разсыпали бѣлой пухъ на головѣ *Мирослада* (такъ звали дядю), и старость сдѣлала его робкимъ. Устрашенный печальною кончиною ближайшаго ему родственника, мечтая всеминутно о пришествіи палачей въ мирной теремъ его, дрожа за жизнь прекрасной

племянницы болѣе, нежели за свои сокровища, онъ удалился изъ Столицы. Близь Тулы, въ густотѣ березоваго лѣса стояли двѣ-три хижины, укрытыя отъ взоровъ людей и казавшіяся безопасными отъ поисковъ властелина: тамъ поселился онъ съ милою родственницей и нѣсколькими вѣрными служителями.

Читая мою повѣсть, вы пожелаете вѣрно знать, какая причина понудила родителя нашей героини дать ей имя птички — грустной и вмѣстѣ сладкой пѣвицы? По преданію добрыхъ старыхъ людей разскажу вамъ все слово въ слово, не мѣшая небылицы къ истинѣ. Слушайтежъ! — Искони въ Рускомъ Царствѣ цвѣли искуства и дарованія; искони славились ими Рускія красавицы. Украшенные почестями и добрыми дѣлами, Бояре сберегали сіи цвѣты рукою отеческою, а матери передавали ихъ въ наслѣдство милымъ дочерямъ своимъ. Однѣ отличались тонкостію и мастерствомъ подбирать шелки и живописать ими Природу въ маломъ видѣ. — Часто непобѣдимыя хоругви Отечества славились искуствомъ нѣжныхъ рукъ ихъ; часто палаты Царскія украшались тканями ихъ золотошвейными. Другія умѣли составлять

разнообразныя игры и хороводы, и разсказывать посреди ихъ, то стыдливыми и плавными, то быстрыми движеніями, о томъ, чего не смѣли сказать робкія уста. Но племянница *Мирогладова*, превышая всѣхъ красотою и любезностью, превосходила ихъ въ искуствѣ играть на гусляхъ, слагать пѣсни и пѣть ихъ. Когда она пѣла радости безпечной юности, рѣзвую беззаботность, быстрые часы удовольствія: тогда старцы почитали себя моложе, мечтали съ улыбкою о дняхъ прошедшихъ и порхали еще воображеніемъ по душистымъ розамъ любви. Воспѣвала ли она славу Князя Владиміра краснаго солнышка, мудрость сына его Ярослава, милосердіе Калиты, величіе Іоанна Васильевича: — и слезы блистали на снѣжныхъ волнистыхъ брадахъ, и тысячи благословеній летали въ память добрымъ, мудрымъ Царямъ Рускимъ. Часто гулъ битвы, стукъ оружій, клики побѣды носились подъ перстами ея. Она разсказывала тогда въ пѣсняхъ, какъ Боянъ искуствомъ своимъ водилъ Славянъ къ побѣдамъ; какъ Александръ вѣрою и мужествомъ каралъ на Невѣ иноплеменныхъ; какъ Димитрій, дорожа свободою и славою сыновъ своихъ болѣе, нежели вѣнцемъ и жизнію,

содѣлалъ Донъ могилою Татаръ злочестивыхъ; какъ витязи вѣрные, богатыри сильные, могучіе мстили за родину православную, за вѣру Христіянскую, за домы свои, за гробы праотцевъ, за женъ и чадъ своихъ. Молодые Бояре, слушая ее изъ-за черемушныхъ кустовъ, хватались за булатной мечь и, кипя желаніемъ сразиться, вызывали на бой враговъ Отечества и милой красавицы. Такова власть искуства, что она движетъ умами и сердцемъ по своей волѣ, что она и мечту творитъ естественностію! Если бы почтенные предки наши углублялись тогда въ пыльные свертки Исторіи, то назвали бы пѣвицу нашу второю Сафою; но мало знакомые съ Греками и съ Римлянами, они назвали ее просто *Малиновкою*. За то забыли прежнее имя ея; за то слаще передавалось изъ устъ въ уста грустное имя *птички любви*.

И такъ дни *Малиновки* проходили въ новомъ ея жилищѣ подобно днямъ птичекъ поднебесныхъ, не знающихъ заботъ и грусти. Весело просыпалась она съ краснымъ солнышкомъ; весело встрѣчала первую вечернюю звѣзду, и ночь не смѣла тревожить ея спокойствія. Сонъ казалъ ей всегда прелестныя картины: то видѣлся ей ликъ

почтеннаго отца, манящаго ее кроткою улыбкою въ свои объятія; то представлялся ей образъ румянаго, крылатаго юноши, готоваго сорвать пламенной поцѣлуй съ розовыхъ устъ ея. Живая, рѣзвая, безпечная, она думала объ одномъ настоящемъ; ни малѣйшее облачко будущаго не помрачало ея мыслей. Поддерживая слабою рукою почтеннаго Мирослада на краю могилы, она не примѣчала, что жизнь его скоро угаснетъ; не заботилась о томъ, что останется одна, безъ подпоры, безъ мудраго наставника, безъ юной подруги — одна съ сердцемъ своимъ! Но что можетъ сердце безъ путеводителя? . . . Пролетали мѣсяцы, и прекрасная съ веселостію топтала зеленые луга, съ безпечностію терялась по извивистымъ тропамъ березоваго лѣса, въ сладкомъ забвеніи засыпала на колѣняхъ почтеннаго родственника. Прошелъ годъ, и она почувствовала одиночество; скука встрѣчала ее на муравахъ; тоска слѣдовала за нею во всѣхъ прогулкахъ; вздохи ея слышны были даже и въ тѣ минуты, когда старикъ разными играми и ласками старался вызвать улыбку на томное ея лице. Часто взорами и сердцемъ провожала она солнце за кудрявой березовой лѣсъ. „Тамъ

живутъ новые люди; тамъ другой, лучшій міръ, и въ немъ мое щастіе!" — думала она, и ожидая, сама не зная кого, проливала горькія слезы. . . Подошла весна другаго года, и съ нею явился тотъ, о которомъ ты грустила, кого и ожидала ты, милая красавица! . .

Годуновъ, грызомый всечасными подозрѣніями, мечтая видѣть во всѣхъ Нагихъ лютѣйшихъ своихъ враговъ, отдалъ тайное и грозное повелѣніе отыскать *Мирославдова*, и отягченнаго цѣпями привесть въ Столицу. Порученіе сіе сдѣлано *Миловиду*, близкому свойственнику самаго властелина. Цвѣтъ юношей, краса витязей, любовь дѣвъ престольнаго града — онъ столько же славился мужествомъ въ шумѣ битвъ, сколько и благословляемъ былъ въ мирныхъ хижинахъ. Никогда чувства мщенія и злобы не входили въ сердце молодаго Боярина; никогда порученіе такого рода не могло быть съ худшею волею исполнено. Но грозный приказъ вылеталъ изъ устъ тирана — и Миловидъ не смѣлъ не повиноваться. Въ товарищи данъ ему Скрытосердъ, во всемъ смыслѣ истинный повѣренный Годунова; нѣсколько воиновъ его сопровождали. И мечь прадѣдовскій съ тру-

домъ снимается со стѣны, и копье булатное тяжело для руки его . . . съ ними онъ идетъ не карать враговъ Отечества, но наказывать невиннаго; не ведетъ онъ воиновъ, но вздыхая, слѣдуетъ за ними.

Нѣсколько мѣсяцовъ проходятъ въ пустыхъ поискахъ — и *Миловидъ*, не объѣзжая ни одной часовни безъ молитвы, ни одного сираго и нищаго безъ подаянія и утѣшенія, благодаритъ небеснаго Отца за безуспѣшность своего странствія. . .

При закатѣ румянаго солнышка, пробираясь однажды сквозь березовой лѣсъ по тропѣ, которую нѣсколько слѣдовъ человѣческихъ означили, онъ услышалъ звуки любимой его пѣсни, и остановился съ товарищами Миловидъ, внимая симъ звукамъ, чувствовалъ горе и сладость — чувствовалъ что-то необыкновенное, чего не могъ изъяснить. Сердце его сильно забилось; на черныхъ ресницахъ его заблистала слеза; — насилу переводя дыханіе, онъ наклонился на дерево. Изчезъ пріятной голосъ пѣвицы, но чувствительный юноша думалъ еще внимать ему! Минутъ пять пробылъ онъ въ семъ положеніи, и вдругъ, какъ будто пробудясь отъ долгой дремоты, полетѣлъ къ своему товарищу *Скрытосер*-

ду, въ нѣсколькихъ шагахъ отъ него находившемуся. „Хочу непремѣнно видѣть пѣвицу!“ — сказалъ онъ, и между тѣмъ увлекалъ его за собою въ ту сторону, откуда летѣли печальные звуки. Они подходятъ ближе, б л и ж е, и сквозь вѣтьви усматриваютъ *Малиновку*, прекрасную, милую — *Малиновку* во всей свѣжести, со всѣми прелестями лѣтъ весеннихъ. Красавица была печальна; слезы помрачали взоры ея: а кто не знаетъ, что красота подъ крепомъ грусти для насъ еще милѣе? — Шорохъ листьевъ заставилъ ее оглянуться . . . Она прислушивалась — опять тотъ же шорохъ! . . сердце ея сильно затрепетало . . . высоко поднималась грудь ея . . . Вскорѣ увидѣла она два незнакомыя лица; хотѣла бѣжать . . . но страхъ подкосилъ ей ноги. Разбойники! закричала она — и полмертвая упала на землю. „Мы не разбойники и не желаемъ тебѣ зла, милая красавица!“ — сказалъ *Миловидъ*, приводя ее въ чувство. Голосъ молодаго воина былъ такъ сладостенъ, черные глаза его говорили такъ много; самое сердце *Малиновки* упреждало въ его пользу: — и могла ли она не вѣрить симъ краснорѣчивымъ убѣжденіямъ? . . „Ви-

жу, что ты доброй человѣкъ!" — сказала она, разсматривая украдкою и пернатый шлемъ, изъ-подъ котораго черные, подобно вороньему крылу, кудри развивались по бѣлой шеѣ юноши, и грозное копье, лежавшее у ногъ ея, и томные, пламенные взоры, въ которыхъ, казалось, жила вся душа прелестнаго рыцаря... Точно *онъ!* подумала *Малиновка*, сравнивая его съ крылатымъ юношею, такъ часто посѣщавшимъ ее въ мечтахъ сновидѣнія. Взоры ихъ встрѣчались; она потупляла длинныя ресницы, и краснѣла, какъ маковъ цвѣтъ. Отъ чего взоры ихъ встрѣчались? отъ чего опускала ихъ красавица въ землю? отъ чего она краснѣла? — Любите, и любовь вручитъ вамъ ключь ко храму, сокрытому отъ очей простыхъ смертныхъ; и красноречивое молчаніе, и мѣна сердецъ, и переливъ душъ, и переселеніе ихъ будутъ вамъ извѣстны! Любите — и тайны сердечной Магіи будутъ для васъ понятны! Молодые рыцари проводили красавицу до жилища ея. У воротъ тесовыхъ пожелали они ей добраго дня, не смѣя слѣдовать за нею въ теремъ, потому что дядя ея *Боголюбъ* былъ не совсѣмъ здоровъ (какъ

разсказала она имъ дорогою, не открывая имъ настоящаго его имени).

„Что завело етаго неизвѣстнаго Боголюба въ такія глухія мѣста?“ — сказалъ *Скрытосердъ*, перебирая въ головѣ тысячи догадокъ. — Какъ можно скрывать въ пустынѣ красоту, которая была бы украшеніемъ Царскихъ палатъ? — перервалъ Миловидъ. — „Останемся здѣсь на нѣсколько дней!“ — продолжалъ первой. — Ахъ! я готовъ остаться здѣсь цѣлую вѣчность! — отвѣчалъ со вздохомъ влюбленный юноша. — И товарищи располагаются въ ближайшемъ селеніи.

Нѣсколько дней проходятъ, съ одной стороны въ хитрыхъ допросахъ окружныхъ поселянъ, въ обманахъ, улещеніяхъ и даже угрозахъ, съ другой въ сладостныхъ мечтахъ любви. *Миловидъ* забываетъ грозное порученіе тирана; красавицы престольнаго града помрачены въ очахъ и сердцѣ его прелестями *Малиновки*; въ ней одной видитъ онъ цѣлое родство свое, все Руское Царство, весь Божій міръ. *Скрытосердъ* уѣхалъ дѣлать новые поиски, давъ слово къ нему скоро возвратиться; а онъ, прикованный къ жилищу *Малиновки*, остался жить мечтою о взаимности, или изчез-

нуть отъ любви безнадежной. Черезъ нѣсколько дней осмѣлился онъ подойти къ самому жилищу *Мирослада* и просилъ позволенія посѣтить его; но племянница вышла къ молодому рыцарю съ отвѣтомъ, что дядя все еще болѣнъ и не можетъ принять *милаго гостя*. Она сказала это такимъ нѣжнымъ, ласковымъ голосомъ, что *Миловидъ* думалъ не слыхать отказа.

Черезъ нѣсколько дней встрѣтились они въ березовомъ лѣсу. Утро было прекрасное: казалось, что Природа призывала любящихся праздновать ее. *Миловидъ* привѣтствовалъ *Малиновну* съ краснымъ днемъ, съ милостями небесными. „Я не думала найти тебя здѣсь,“ сказала она, зарумянившись отъ стыдливости. — По этому ты не желала меня видѣть? — перервалъ со вздохомъ молодой воинъ. — „Совсѣмъ не то ...“ отвѣчала она, еще болѣе краснѣя. — А я, напротивъ, искалъ тебя вездѣ. Грустно, грустно жить безъ тебя, милая красавица! безъ тебя и птички не весело поютъ, и солнышко не такъ пріятно показывается изъ-за сизыхъ горъ и закатывается за кудрявой березовой лѣсъ. — Красавица такъ нѣжно посмотрѣла на него, что онъ сдѣлался немного

смѣлѣе, подошелъ къ ней и, взявши ее за руку, прибавилъ: Любить не грѣшно! — „Любить не грѣшно!" повторила дрожащимъ голосомъ Малиновка: „но я слышала, что подъ розами любви кроются иглистыя тернія обмана." — Малиновка, другъ мой! тебѣ неизвѣстно сердце мое: любовію твоей оно живится, въ ней одной находитъ свое щастіе; перестану любить тебя — перестанетъ оно биться! Ахъ! нѣтъ, и въ Божьемъ царствѣ, и въ самой вѣчности отыщу тебя и не разстанусь съ тобою. — „Миловидъ! такъ и быть, признаюсь тебѣ ... и я люблю тебя! ... Не смотря на увѣщанія дяди моего, всѣ эти дни я слушалась одного своего сердца, въ которомъ ты поселился съ той минуты, какъ увидѣла тебя въ первой разъ; съ того времени, не знаю, что дѣлается со мною! .." Миловидъ не отвѣчалъ ни слова; души любовниковъ порхали на пламенныхъ устахъ ихъ ... онѣ соединились на вѣки съ первымъ невиннымъ поцѣлуемъ. Высоко поднималась грудь красавицы; томно тлѣлся огонь въ глазахъ ея! Какъ преступница, стояла она передъ другомъ своимъ и не смѣла заглянуть во глубину души, боясь найти что нибудь противное прави-

ламъ, внушеннымъ ей почтеннымъ родственникомъ. Она посмотрѣла наконецъ на небо; солнышко уже было высоко. Прости, Миловидъ! дядюшка давно ожидаетъ меня. Прости до завтрашней зари — сказала она, и какъ пташка, испуганная злымъ ястребомъ, полетѣла къ мирному терему.

Любовь чистая, священная не боится открываться опытной мудрости. *Малиновка* не утаила отъ дяди чувствъ своихъ къ милому незнакомцу, и старикъ принужденъ былъ просить его посѣтить ихъ хижину. *Мирославъ* не думалъ найти въ молодомъ рыцарѣ Царскаго свойственника и любимца его. *Миловидъ* не воображалъ увидѣть въ родственникѣ *Малиновки* жертву гоненій Годунова. Они встрѣчались нѣкогда въ палатахъ Царскихъ, и узнали другъ друга . . . Что дѣлалось тогда въ душѣ нещастнаго юноши? Сколько страстей стеклось въ нее для борьбы между собою! Долгъ, сострадание, вѣрность къ престолу, родство и любовь. . . . Но послѣдняя превозмогаетъ — и *Миловидъ*, падая къ ногамъ *Мирославовымъ*, открываетъ ему и порученіе Царя и страсть свою. „Судьбы непостижимы!" — сказалъ

старикъ, обнимая чувствительнаго витязя. — „Злоба человѣческая поручила тебѣ найти и отягчить наказаніемъ невинныхъ; Небеса милостивыя хотѣли, чтобъ ты нашелъ ихъ и полюбилъ! Можетъ быть, избрали Они тебя орудіемъ къ примиренію гонимаго рода Шуйскихъ и Нагихъ съ вѣнценосными родомъ Годуновыхъ. Неизповѣдимый начерталъ въ книгѣ судебъ, чтобы ты узналъ *Малиновку*, чтобы вы полюбили другъ друга; — любите же другъ друга вѣчно! . . Не всегда громамъ мстительнымъ летать изъ рукъ Годунова. Природа говоритъ и въ тиранѣ: есть минуты, въ которыя и онъ приноситъ ей дань! Царь привязанъ къ тебѣ узами крови и любви; ты необходимъ престолу: — онъ не захочетъ лишиться родственника и вмѣстѣ лучшаго цвѣта въ вѣнцѣ своемъ — и, можетъ быть, смягчится надъ нами!“ — Ангелъ утѣшитель! ты проливаешь надежду въ сердце, предавшееся отчаянію, и я буду надѣяться! — сказалъ *Миловидъ*, и рѣшился, составивъ тройной союзъ, дождаться возвращенія *Скрытосерда* и вмѣстѣ направить стопы къ Москвѣ, чтобъ искать близъ Престола прощенія и милостей.

Всякой день видалась чета любовников. Иногда *Миловидъ*, пробѣгая луга съ *Малиновкою* и любовію, останавливался у быстрыхъ потоковъ, бралъ на руки красавицу и съ восхищеніемъ переносилъ сладкое бремя на противной берегъ. „Если мы потонемъ?“ говорилъ онъ тогда улыбаясь. — Чтожъ? мы погибнемъ вмѣстѣ! — отвѣчала милая дѣвушка, прижимая его сильнѣе ко груди своей. Часто на лугу, служившемъ опушкою березовому лѣсу, наши любовники, соединивъ руки и уста, клялись Небу въ вѣрности своей. Въ забвеніи всего міра, въ глубокомъ молчаніи пребывали они нѣсколько минутъ, и наконецъ спрашивали другъ у друга: что было причиной такого сладкаго безмолвія? Отвѣту не было, но два сердца бились сильнѣе. *Малиновка* склоняла голову на грудь любезнаго и, вмѣсто всѣхъ словъ, выражалась однимъ взоромъ, однимъ пожатіемъ руки, однимъ поцѣлуемъ. „Другъ мой!“ говорилъ однажды Миловидъ: „слыхала-ль ты о жилищѣ Ангеловъ?“ — Оно обѣщано душамъ праведнымъ, сердцамъ добрымъ, чувствительнымъ, вѣрнымъ любви и дружбѣ, — отвѣчала красавица. — „Не смѣняю земли сей, на которой живу съ тобою (прости

мнѣ, Отецъ милосердый!), не смѣняю съ жилищемъ небеснымъ. Не знаю только, перенесу ли щастіе мое. Можетъ быть, скоро улетятъ мои радости, и злое горе посѣтитъ мою душу. Вѣтерокъ приноситъ теперь къ намъ запахъ ландышей и матнкиной душки: одно усиліе вѣтра — и наслажденіе исчезнетъ съ цвѣтками весенними! Цвѣты весенніе – щастіе наше! . .“ — Защитимъ же постоянною любовію цвѣты сіи отъ бурь и непогодъ, и будемъ ими долго наслаждаться! — „Правда, другъ мой! оградимъ щастіе наше святымъ союзомъ! . . Завтра день возвращенія Скрытосерда; завтра же брошусь къ ногамъ Мирославовымъ. Скажу ему, что не могу жить безъ тебя, что жизнь моя красна лишь тобою; *завтра* ты будешь *моя* навѣки!“ — Развѣ не всегда была я твоя Малиновка, твой другъ?“ — Наши любовники разстались съ одинакими мыслями о будущемъ дни. Въ тотъ самой вечеръ Мирославъ почувствовалъ, что ласки родственницы его были нѣжнѣе обыкновенныхъ, подозрѣвалъ причину и заснулъ, улыбаясь надеждѣ.

Какъ продолжительна ночь для любящаго, ожидающаго съ наступленіемъ новаго

дня щастливой перемѣны въ жизни своей! Время летитъ для него на свинцовыхъ крыльяхъ, и онъ дорого бы заплатилъ за власть приближить къ себѣ роковой часъ. Еще нѣсколько минутъ, говоритъ онъ, и я могу прижать друга ко груди моей, могу передъ лицемъ вселенной назвать его своимъ! Тогда не позавидую жителямъ небесъ въ блаженствѣ ихъ! . . Въ такомъ положенiи была *Малиновка*. Еще нѣсколько минутъ! повторила она — и сердце ея затрепетало, кровь тише потекла въ жилахъ ея. Какое-то неизвѣстное чувство тѣснило ей грудь; слезы показались на глазахъ ея. Она стала на колѣни передъ образомъ Божiей Матери. „Мать Святая!" воскликнула она: „если это предчувствiе близкихъ радостей, то дай мнѣ силу перенести ихъ; если же рука твоя послала мнѣ нещастiе, то отврати самое ужасное – разлуку съ другомъ души моей!" Сквозь растворенное окно видно было безоблачное небо; заря уже занялась, и палевыя пятна рисовались между деревьями. *Миловидъ* обѣщался придти въ тотъ самой часъ, когда солнышко будетъ стоять надъ верхушками мѣлкаго березника. Солнце показалось уже надъ ними, но *Ми-*

лович не являлся! Скоро освѣтился весь лѣсъ, и онъ не приходилъ! Тяжкая неизвѣстность томила бѣдную; мучительная скорбь снѣдала ея сердце; мысль о болѣзни друга не давала ей ни на минуту покоя. То представлялся онъ ей бѣгущимъ отъ мѣстъ сихъ; то видѣла его въ рукахъ разбойниковъ — видѣла, какъ желѣзо было поднято на грудь его, какъ вонзилось въ нее. . . Она трепетала отъ ужаса, теряла дыханіе, и умоляла Небо сберечь дни друга, или соединить ихъ вмѣстѣ одною смертію. Скоро глухой шумъ, прерываемые стоны поражаютъ ея слухъ . . . Смертной холодъ обливается вокругъ ея сердца; біенье его готово остановиться! . . Она подходитъ снова къ окну — и первый предметъ, встрѣтившійся взорамъ ея, былъ *Мирославъ*, отягченный цѣпями, вырывавшійся изъ толпы вооруженныхъ незнакомцевъ. ,,Жестокіе! дайте мнѣ проститься съ нею и благословить ее навѣки!" кричалъ старецъ: ,,дайте мнѣ сказать ей, что мы согрѣвали змію въ груди нашей, что *онъ* измѣнилъ намъ! . . ." — *Онъ*? . . возможно ли! . . — Едва могла сказать *Малиновка* трепещущимъ голосомъ, и съ блѣдностію смерти упала на землю. . . .

Наслаждайтеся любовію друга; живите увѣренностію, что ничто земное не можетъ ее разрушить; соберите вокругъ себя возможность земнаго щастія; окружите себя мечтами небеснаго; уничтожьте *все* въ одинъ мигъ — и что будете тогда чувствовать? . . . Ахъ! это чувствовала слишкомъ живо бѣдная Малиновка.

Кто знаетъ человѣческое сердце, тотъ отгадаетъ, что *Миловидъ* не былъ виною заключенія старца. Коварный *Скрыто-сердъ*, извѣдавъ тайну послѣдняго, успѣлъ извѣстить объ ней Годунова и вооружить противъ любимца его гнѣвъ грознаго Царя. И *Мирославъ* и *Миловидъ* въ разное время отягчены цѣпями, разными дорогами приведены въ Москву и ввергнуты во мракъ темницъ; — обоихъ ожидаетъ смерть — и смерть постыдная! . . Одного обвиняютъ въ измѣнѣ и желаніи возвести на престолъ родъ Шуйскихъ рукою *Малиновки*; другаго въ обольщеніи Государева родственника. Преступленіе того — любовь, етого — нещастіе! Каждой изъ нихъ не знаетъ горестной участи другаго. День казни назначенъ: но наканунѣ ужаснаго дня сего два нещастливца должны предстать пе-

редъ лице тирана: какое свиданіе! . . . *Мирославъ* и *Миловидъ* взглядываютъ другъ на друга; взоры и сердца ихъ уже все объяснили, все разсказали другъ другу! Они обвиваются тяжелыми цѣпями и клянутся не разставаться до послѣдняго жизненнаго вздоха; но по одному грозному мановенію Годунова ихъ разлучаютъ, чтобъ обѣщать имъ *завтра* вѣчное соединеніе. Только послѣдней, единственной милости передъ казнію требуютъ два нещастливца: свиданія съ *Малиновкой.* „Я слышалъ, что она мастерица пѣть и играть на гусляхъ, и хочу узнать опытомъ, таково ли велико искуство ея, какъ мнѣ объ немъ сказали" сказалъ властелинъ — и отдалъ повелѣніе привезти *Малиновку* въ престольный градъ.

Царскій посланный нашелъ ее при дверяхъ гроба; но вѣсть о свиданіи съ другомъ, которой былъ ей всегда вѣренъ, оживила ее. Такъ не забылъ меня Творецъ! я могу еще умереть съ нимъ! — сказала она, и съ твердостію въ душѣ послѣдовала за посланнымъ. Какое явленіе ожидаетъ ее въ Москвѣ, въ палатахъ Царскихъ! Годуновъ на престолѣ, окруженный всею пышностію двора своего. Съ одной стороны бояре, подпора Царства Рускаго; съ другой —

супруги ихъ, цвѣтъ Москвы бѣлокаменной; вд ли . . . грозная стража, и между ею . . . отгадало ли сердце твое, нещастная Малиновка? . . . . туманится образъ старца и образъ юноши . . . оба въ цѣпяхъ! . . Сердце ея бьется сильнѣе, глаза ея покрываются мрачнымъ облакомъ, ноги ея готовы подломиться! — Такъ, это они! . . одинъ — второй отецъ, другой — милой другъ души ея! . . . Она хочетъ броситься къ нимъ; но Годуновъ даетъ знакъ – и *Малиновка* съ трепетомъ къ нему приближается. Никогда дворъ Царевъ не украшался такими прелестями; никогда Царство Руское не производило подобной красоты! . . Старики желали бы имѣть ее своей дочерью; молодые супругою, а жены боярскія, завидуя ей, удивлялися! Самое сердце властелина чувствуетъ къ ней сожалѣніе. Онъ повелѣваетъ ей подойти къ приготовленнымъ для нее гуслямъ и разсказать въ пѣсняхъ повѣствованіе любви ея. Какое повелѣніе! Исполнить его трудно, не исполнить – значило бы навести сильнѣйшую грозу на чету нещастливцевъ! . . Она садится за гусли; еще разъ взглядываетъ на грозную стражу, на злополучнаго старца, на милаго друга, еще разъ на него . . . .

и поетъ . . . сперва побѣгъ родственника, невинность его, любовь свою и свои нещастія — и потомъ умолкаетъ! На лицѣ тирана примѣтно смущеніе; Бояре и жены ихъ закрываютъ платками слезы, текущія по лицу ихъ. *Малиновка* видитъ торжество свое. Какое-то неизъяснимое предчувствіе говоритъ ей, что въ славѣ пѣсней ея заключается спасеніе двухъ ближайшихъ сердцу ея существъ. Она снова поетъ ... и надежда на великодушіе Царя изливается въ ея пѣсняхъ. Никогда чувства и природа не соединялись съ большимъ искуствомъ, чтобы плѣнять слухъ и сердце; никогда дарованія не давали красотѣ столько власти, какъ теперь! Еще усилія любви и искуства — и *Малиновка* читаетъ *милость* въ глазахъ Годунова. „Пѣсни твои меня тронули!" сказалъ властелинъ, побѣжденный въ первой разъ природою: „дарованія твои должны получить награду. Вотъ она!" прибавилъ онъ, указывая на чету нещастливцевъ: „тебѣ предоставляю снять съ нихъ цѣпи; тебѣ же даю на выборъ въ цѣломъ Рускомъ царствѣ мѣсто общаго вашего изгнанія! . . ." Годуновъ сказалъ — и *Малиновка* въ объятіяхъ друзей своихъ! . . . Годуновъ возсталъ

съ Престола — и взволновалося собраніе знаменитое, какъ нива золотая отъ дождя благодѣтельнаго, и тысячи голосовъ благословляли милость Царскую!

О минута соединенія трехъ существъ добродѣтельныхъ и чувствительныхъ! Ищу изъяснить тебя сердцемъ и головою — и не нахожу изъясненій; ищу словъ — и встрѣчаю ощущенія! Сердце и голова твердятъ мнѣ: подобныя минуты не пишутся и не разсказываются!

Малиновка избрала мѣстомъ изгнанія своего съ дядею и милымъ супругомъ тотъ же березовой лѣсъ, въ которомъ прежде обитали; — онъ сдѣлался постояннымъ жилищемъ ихъ щастія до самой смерти. Въ воспоминаніе прекрасной пѣвицы потомство ихъ назвало лѣсъ сей именемъ *Малиновки*. Нынѣ не найдете вы слѣдовъ терема Мирославова, жилища нашихъ любовниковъ и могилъ ихъ: все срыто рукою времени; одинъ березовой лѣсъ сохранилъ донынѣ имя *Малиновки*. Ѣхавши изъ Москвы въ Тулу, въ двадцати верстахъ отъ послѣдней, спросите объ немъ у перваго сельскаго жителя, и украшенный сѣдиною старецъ и осьмилѣтній мальчикъ вамъ его покажутъ. Въ немъ отыщете, можетъ быть, слѣды *Ма-*

линовки, и принесете ей на одной изъ березъ тѣнистаго лѣса дань воспоминанія. Я былъ въ немъ, покоился въ его кущахъ, мечталъ о щастливыхъ любовникахъ, и на корѣ одного дерева, въ сѣни котораго чаще всего (думалъ я) говорили они о любви своей, начерталъ слѣдующее: — „И въ древнія времена умѣли любить въ царствѣ Рускомъ; и въ древнія времена красавицы торжествовали и славились дарованіями своими!“

РАЗСУЖДЕНІЯ.

Le plaisir ne nuit point à l'instruction.

Laharpe.

I.

МЫСЛИ.

Гордость — разумѣю, благородная — должна быть видна и въ Монархѣ и въ народѣ, для того, чтобы заставить себя уважать и страшиться; — въ бѣдномъ и нещастномъ человѣкѣ, для того, чтобы заставить почитать добродѣтель и въ рубищѣ.

*

Кто не былъ нещастливъ, не знаетъ, что значитъ истинно наслаждаться щастіемъ; кто не видалъ ужасовъ бури, не ощущаетъ живаго удовольствія въ ясную погоду; кто не былъ палимъ солнечнымъ зноемъ, не знаетъ, что есть прохлада тѣнистой рощицы и свѣжія струи ручейка кристальнаго.

*

Умъ заглядываетъ вездѣ въ двери, но въ рѣдкомъ домѣ имѣетъ непремѣнное жилище.

*

Иногда самой простой, но пристойной случай докажетъ заблужденіе скорѣе, чѣмъ

тысячи умствованій. Философія не разбираетъ ни званія, ни состоянія, и для того вгнѣздилась въ голову одного портнаго, который былъ — Стоикъ! . . . Сшивая нѣкогда свое рубище, онъ бранилъ, по обыкновенію, всѣхъ ледяныхъ послѣдователей Зенона — страсти, нѣжность и чувствительность; не хотѣлъ признать нещастія, боли — и въ жару восторга изпустилъ пронзительное: охъ! . . . Онъ былъ уколотъ иголкою!

*

Есть Писатели, которые бываютъ чаще съ мечемъ, нежели съ перомъ.

*

Надежда изключительно постоянна къ будущему, мода только къ настоящему, старость къ прошедшему; одна любовь привязана ко всѣмъ етимъ тремъ періодамъ жизни.

*

Бѣдные и нещастные не могутъ найти себѣ друзей въ знатныхъ вельможахъ; ибо сіи послѣдніе оказываютъ помощь не изъ любви къ нимъ, но изъ одного тщеславія. Станетъ ли слабой цвѣтокъ искать себѣ защиты отъ сильныхъ порывовъ вѣтра подлѣ гордаго, величественнаго дуба? Нѣтъ, онъ прижмется къ такому же слабо-

му цвѣтку, и они крѣпко обовьются одинъ около другаго!

❖

Женщина есть роза — съ шипами!..

❖

Остроумной Z***, имѣя трехъ сыновей, уродливыхъ наружностію и душею, могъ стоять на ряду съ Кантемиромъ: онъ сдѣлалъ три прекрасныя сатиры — на природу!

❖

Великой человѣкъ, прославившійся умомъ своимъ, или мужествомъ, не можетъ равнодушно взирать на людей, стремящихся на равную степень высоты; онъ старается заградить имъ путь ко славѣ; онъ страшится раздѣлить ее съ соперниками своими; желаетъ, чтобы вселенная удивлялась ему одному, чтобы ему одному курила фиміамъ хвалы безконечной... Таковъ ли *истинно* великой мужъ? Нѣтъ; имя сіе принадлежитъ тому, кто не знаетъ зависти и самолюбія, кто приноситъ должную дань превосходнымъ дарованіямъ, и радуется отъ всего сердца, видя общіе успѣхи; кто снисхожденіемъ торжествуетъ надъ своими соперниками. Онъ подноситъ каждому изъ нихъ по вѣнку — и въ то са-

мое время тысячи вѣнковъ летятъ къ ногамъ его!

❊

Все имѣетъ свой конецъ; — у одной истинной любви нѣтъ его!

❊

Природа и согласіе общихъ мнѣній и чувствъ сдѣлали пріятнымъ самой звукъ словъ, означающихъ добро, или благородныя чувствованія, — отвратительною даже форму словъ, выражающихъ зло, или гнусныя страсти. Не для того ли мила намъ незабудочка, что изображаетъ вѣрность? Не для той ли причины любима всѣми фіалка, что есть емблема скромности?

❊

Нравиться женщинамъ есть — умѣть имъ давать различные способы нравиться, — сказалъ одинъ любезной Философъ.

❊

Судить о человѣкѣ — не знавши его — по словамъ другихъ, есть тоже, что хвалить, или порицать вкусъ плода въ чужихъ устахъ.

❊

Отъ чего въ денномъ собраніи маленькая освѣщенная зала бываетъ полнѣе дамами, нежели большая, въ которую входитъ одинъ свѣтъ солнца? Этотъ вопросъ

надобно отослать къ сектѣ мудрецовъ, дѣлающихъ румяны.

✣

Подсолнечникъ всюду за солнышкомъ: и вѣрное сердце вездѣ и всегда стремится къ одному предмету.

✣

Аристонъ, созвавъ къ себѣ множество гостей на обѣдъ, говорилъ своему повару: *бросай соль щепотками!* — Поваръ не послушался, бросалъ ее *горстями* — и кушанье было испорчено. Гости разошлись по домамъ съ тощимъ, больнымъ желудкомъ и съ досадою на хозяина. Также проказничаетъ иногда соль критики!

✣

Одинъ Сиракузскій тиранъ, сославъ на удаленной, пустой островъ подданнаго, сказавшаго ему прямую истину, заснулъ на берегу ручейка. Сонъ явилъ ему какое-то божество, награждающее его драгоцѣнными каменьями за правосудіе .... Тиранъ отъ радости проснулся, и держалъ въ рукѣ своей — грязь!

✣

Есть люди, которые дѣлаютъ добро не по первому побужденію сердца, но по долгимъ обдуманнымъ разсчетамъ и

предположеніямъ разсудка. Какъ назовете вы это добро? — Математическимъ!

❉

Куда какъ ненадежно существованіе тучныхъ людей и толстыхъ книгъ!

❉

Наслажденіе есть лучшая Философія. По мнѣ, тотъ настоящій мудрецъ, кто умѣетъ *истинно* наслаждаться.

❉

Любовь есть бурная стихія души, надежда — якорь ея, а Вѣра — пристань безмятежная.

❉

За чѣмъ изображеніе смерти бываетъ такъ ужасно? За чѣмъ грозной съ косою остовъ приходитъ намъ напоминать ее? Почему не представляютъ ее милою дѣвушкою, съ вѣнкомъ изъ розъ, съ улыбкою любви зовущею васъ въ обитель безсмертія? — И кто не полетѣлъ бы тогда въ ея объятія?

❉

Сентиментальность передъ чувствительностію то же, что кокетка передъ милою и добродѣтельною женщиною.

❉

Къ творцу Заиры и Генріады, къ благодѣтелю Каласовъ, къ правителю Ферней,

пошелъ бы я на поклоненіе изъ Камчатки; для Вольтера заперъ бы двери въ собственномъ моемъ домѣ.

❉

Напрасно зависть крадется тревожить прахъ великихъ людей; Геній безсмертія стоитъ на вѣрной стражѣ у гробницы ихъ.

❉

Нужда основала общества; законы ихъ содержатъ; нравы творятъ ихъ имя, величіе и славу, измѣняютъ и уничтожаютъ оныя; политика даетъ имъ вѣсъ. Нужду произвела природа; законы издали мудрѣйшіе; нравы образуютъ вѣра, писатели, женщины, мода и климатъ; политику изобрѣли сильнѣйшіе во всѣхъ состояніяхъ.

❉

Хорошее произведеніе писателя разсматривать надобно, какъ прекрасную канву: взглянуть мелькомъ на уродливость *изнанки* для того только, чтобы болѣе восхищаться красотами *лица*.

❉

Р***, послѣ сдѣланнаго ему выговора за нескорое прибытіе трубъ къ пожару, отдалъ полиціи приказъ, чтобъ она впредь всегда была въ готовности за часъ до по-

явленія пламени .... Какая постепенность отъ понятій Р*** до генія Невтонова!

✠

Женщина (Г-жа Риккобони) сказала, что сердце женщины подобно неизвѣстнымъ землямъ Новаго свѣта; странникъ пристаетъ къ ихъ берегу, но не можетъ проникнуть во внутренность. Правда — прибавлю я (мущина! . . можетъ быть изъ мщенія! ..) — правда, что робкой мореходецъ, испуганный препятствіями, вѣчно будетъ гулять по безплодному песку береговъ, ожидая попутнаго вѣтра для возвращенія въ отечество; но смѣлый, неустрашаемый грозными скалами, перейдетъ ихъ съ трудомъ, соберетъ сокровища въ самомъ сердцѣ земли, и будетъ цѣлой области царемъ до того времени, когда новой смѣльчакъ придетъ вытѣснить его изъ оной!

✠

Различныя наказанія опредѣлены тому, кто обманываетъ себѣ подобнаго; какой же лютѣйшей казни должны подвергаться лицемѣры и ханжи, думающіе обманывать Творца? ...

✠

Всѣ великіе люди, писавшіе противъ утвержденной вѣками истины,

желали пріобрѣсть славное имя странностію и новизною, чувствуя между тѣмъ, что говорятъ ложь. Вольтеръ притворялся, повторяя красивыя нелѣпости на счетъ вѣры; Руссо притворялся, краснорѣчиво браня просвѣщеніе.

*

Довѣряйте человѣку, которой подверженъ былъ сердечнымъ слабостямъ; бойтесь, какъ остраго ножа, того, которой никогда не имѣлъ ихъ.

*

Дворъ какъ мраморныя, богатоубранныя палаты, въ которыхъ нѣтъ ни печей, ни стульевъ; — хорошо придти въ нихъ на минуту, полюбоваться ихъ великолѣпіемъ, но тяжело и холодно въ нихъ долго оставаться.

*

Одно равенство можетъ и будетъ вѣчно существовать на свѣтѣ — равенство любви.

*

Человѣкъ въ щастіи и нещастіи долженъ брать примѣръ съ умнаго игрока, которой не горячится и не досадуетъ въ проигрышѣ, не забывается и въ выигрышѣ. Прибавить надобно: игроки такіе рѣдки!

*

Есть люди притворные, изучившіе всѣ движенія чувствъ, умѣющіе казаться нѣжными и чувствительными; но кто, съ малѣйшимъ проницаніемъ, не различитъ грубой поддѣлки отъ истины? Кто не скажетъ имъ: — „вы можете занять мѣсто на драматической сценѣ, — то есть вступить въ труппу странствующихъ по ярмаркамъ актеровъ и актрисъ, и продавать свои чувства близорукой черни!"

*

На вторичномъ походѣ Рускихъ во Францію Священникъ Т. Г. полку просилъ для себя у бригаднаго Начальника Г. П. билета на подводу. „Святые отцы въ древнія времена ходили проповѣдывать вѣру пѣшкомъ!" сказалъ ему Генералъ. — *Только не по маршруту*, — отвѣчалъ остроумной Священникъ, и получилъ все, чего желалъ.

*

Искать — важнѣйшій глаголъ въ словарѣ честолюбца, и малозначущее слово въ понятіи благороднаго человѣка!

*

Одинъ молодой человѣкъ (въ службѣ) жаловался на щастіе свое человѣку, опытному на пути фортуны. „Ты самъ вино-

ватъ!" — отвѣчалъ ему послѣдній: „для пріобрѣтенія благосклонности слѣпой богини ты употреблялъ средства, данныя тебѣ природою; ты искалъ способовъ въ себѣ и близь себя. Безразсудный! надобно было искать далеко — въ постороннихъ людяхъ! Ты не сносилъ глупой гордости богатаго А*, и объ тебѣ худо отнеслись Князю Б*, человѣку случайному; ты не былъ на обѣдѣ у В*, на балѣ у Г* — и Д*, которой могъ бы тебѣ *многое* доставить; сказали, что ты *дикарь* и не можешь исполнять своей должности. Ты не хотѣлъ знать, что Г-жа Е* вступаетъ въ родство съ Генераломъ Ж*, не сказалъ ей ни одного слова на счетъ ея ума, красоты, любезности; ты не написалъ стиховъ З*, которыхъ ожидалъ онъ отъ тебя — и потерялъ свое мѣсто! Нечего пожимать плечами — точно такъ! Не все берется въ свѣтѣ грудью; надобно употреблять иногда въ дѣло и спину! .. Ты худо дѣлалъ, что гордо ожидалъ вѣнковъ за труды свои и дарованія; нужно было невидимо искать ихъ и видимо лобызать руку, на тебя лестной вѣнокъ опускавшую. Ты одинъ виноватъ, другъ мой, и *слишкомъ* еще щастливъ! ..."
Такъ говоритъ опытный *мудрецъ*, и не-

опытный *простачекъ*, поблагодаривъ его за добрые совѣты, откланялся фортунѣ и возвратился на родныя поля свои (хотя безъ большихъ чиновъ, но съ неизмѣнными добродѣтелями) — возвратился обработывать землю и быть свободнымъ!

*

Женщина . . . . довольно етого слова, чтобы выразить вдругъ всѣ добродѣтели и всѣ пороки!

*

Мягкой воскъ принимаетъ всѣ формы, какія вамъ угодно дать ему; таково и сердце мущины въ рукахъ женщины!

*

Господа молодые Авторы! хотите ли выслушать мой совѣтъ, за пользу котораго ручаюсь? Если вы трудитесь для славы и потомства, не ломайте головы надъ заглавіями вашихъ твореній. Заслужившія хвалу немногихъ знатоковъ настоящаго времени дойдутъ безъ блестящей вывѣски до великой цѣли своей. Если же вы, въ потѣ лица, произведеніями пера вашего снискиваете кусокъ хлѣба; то старайтесь расплодить, размалевать и наполнить шумомъ ваши заглавія. Какъ можно болѣе грому; какъ можно болѣе достопамятныхъ произшествій, до-

стославныхъ, героическихъ, побѣдоносныхъ рыцарскихъ, доселѣ неслыханныхъ событій! . . Не жалѣйте въ началѣ мишурной пыли; конецъ увѣнчаетъ дѣло! Но всего лучше, всего прибыльнѣе, когда сдѣлаете извлеченіе изъ газетъ и реляцій, соберете ихъ въ огромные томы и пустите въ свѣтъ подъ разительнымъ именемъ и съ интереснымъ портретомъ; тогда наши ученые книгопродавцы съ отверстымъ кошелькомъ примутъ ваше новорожденное дитя, возгремятъ о немъ въ газетахъ — и золотые рудники Перуанскіе потекутъ въ хижину вашу! . . .

II.

О БЕЗПЕЧНОСТИ.

„Не отлагай до будущаго дня того, что можешь исполнить въ нынѣшній!“ говоритъ правдивая пословица многихъ народовъ. Не смотря на то, безпечность, глухая для сей простой истины, съ подругою своей лѣностью твердитъ при началѣ каждаго дѣла: *завтра*, — и завтра видимъ ея постыдное наказаніе. Поздно будетъ раскаяніе терзать безпечнаго, когда нищета постучится у дверей его жилища, и онъ (хоть не радъ, да готовъ) впуститъ къ себѣ неожиданную гостью со всею ея жалкою свитою.

Предвидѣніе будущаго есть главная цѣль мудраго; слѣдственно безпечность, имѣющая въ виду одно настоящее, радующаяся только тѣмъ, что лежитъ *подъ рукою*, противна со всѣхъ точекъ зрѣнія здравому разсудку. На это скажутъ мнѣ справедливо, что были люди умные, люди съ дарованіями, которые при-

обрѣли себѣ упоминаемою здѣсь слабостію большую знаменитость; что сія слава была утверждена не на легкихъ жердочкахъ временной похвалы, но на камняхъ вѣковой справедливости. Соглашаюсь; но одни Поэты, поселившіеся воображеніемъ на вѣчно цвѣтущихъ лугахъ Аркадіи, гдѣ свѣтлое небо жизни не помрачено ни малѣйшимъ облачкомъ нещастія, гдѣ наслаждаются покоемъ и довольствомъ безъ трудовъ и заботъ, одни милые баснописцы, подобные Лафонтену, отличались простодушіемъ и безпечностію. Съ *такимъ* характеромъ долженъ былъ онъ конечно явиться на сцену славы для пристойнаго ему особеннаго рода упражненія; съ другимъ характеромъ онъ не былъ бы превозносимымъ Лафонтеномъ! Но сей любезной философъ не осуждалъ ли самъ безпечности? Не онъ ли хвалитъ муравья за его прилѣжаніе и предусмотрительность весною холодной зимы? не онъ ли самъ гонитъ отъ трудолюбиваго жителя земли праздную и безпечную стрекозу?...

Въ общемъ словарѣ понятій и мнѣній человѣческихъ безпечность должна стоять на ряду съ простотою — не съ тою, которая плѣняетъ насъ въ дѣтствѣ и поступкахъ женщины — но съ простотою,

ближайшею къ безразсудности. Въ самомъ дѣлѣ, о чемъ думаетъ человѣкъ безпечный? Разумъ его не перешагнетъ никогда границы настоящаго; онъ весь вокругъ себя: но и безсмысленная тварь, подобно ему, не имѣетъ силы духомъ носиться въ предѣлахъ будущаго. Занимаетъ ли безпечнаго покой и щастіе семейства его? помышляетъ ли онъ о собственномъ благѣ своемъ? радѣетъ ли о благѣ ближняго? — Ни мало! Вы не найдете въ немъ ни стремительныхъ движеній къ добру, ни большой любви къ родственной связи, ни сильнаго рвенія къ пользѣ общества; или найдете пренебреженіе законовъ, возлагаемыхъ сими чувствованіями; или очень, очень рѣдко замѣтите въ немъ искру сихъ добродѣтелей: слѣдственно безпечный есть существо безполезное себѣ, семейству и отечеству!

Можно сдѣлать нѣкоторое изключеніе изъ сего правила — изключеніе, которое обратится на безпечнаго же и не поставитъ его впрочемъ съ лучшей стороны. Во всѣхъ почти случаяхъ жизни своей самымъ бездѣйствіемъ трудится онъ для другихъ; но какимъ образомъ, и кто сіи другіе? . . . Люди, живущіе единственно на счетъ ближняго; люди, которые въ мутной водѣ

охотники ловить рыбу и опускают искусную сеть там, где вода имеет менее движения. Они сдирают последний галун с ливреи безпечнаго, смеясь от всего сердца высокой его прозорливости! . . . Между тем он готов своим пороком себя и, может быть, двух или трех нераздельных с ним существ лишить насущнаго хлеба! . . . Незавидный способ благотворить недостойным! . . .

Сколько вековых трудов исчезает в несколько минут, сколько твердых оснований щастия семейственнаго разрушается одним ударом — и все от безпечности! Мы видели пышных Набобов, сим характером в жалкое состояние брошенных и скитавшихся по лицу земли с участию и сумою стихотворца. Мы читали в Истории света об извергах, самыя священныя права природы разрушивших и в черных пороках закоснелвших — единственно от слепой безпечности родителей! Мы слышали, как сия слабость кривила весами Фемиды даже тогда, когда не было на них положено золота; как у художников похищал сей порок довольство и покой, и что еще дороже — славу! Нужно ли прибавить, что

истинная любовь, всегда осторожная, всегда любящая тайну, убѣгаетъ вездѣ безпечности, и что многіе безпечные хотѣли слезами смыть порокъ свой изъ книги любви; но безполезно! . . . Примѣры не нужны; ихъ можно не рѣдко видѣть въ свѣтѣ. По етому самому кто не будетъ стараться убѣгать безпечности, и дружиться съ непріятелемъ ея, — попеченіемъ, или прилѣжаніемъ? — Въ нащемъ подлинномъ мірѣ все достаютъ черезъ труды, все теряютъ черезъ безпечность.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

III.

ПРЕКРАСНОЕ и МИЛОЕ.

Многіе славили *прекрасное*: — искусные живописцы одушевляли имъ свои картины; знаменитые ваятели оживляли имъ грубые камни; вдохновенные Поеты вплетали его въ вѣнки неувядаемые; — однимъ словомъ, *прекрасное* провозглашается всѣми; *милое* остается болѣе извѣстно тихимъ сердцамъ и сохраняется ихъ чувствіями.

Прекрасное требуетъ дани удивленія; *милое* желаетъ однихъ даровъ сердечныхъ. Увидя *прекрасной* образецъ, котораго части столь же совершенны, какъ и все цѣлое, поражаемся отдѣлкою природы или искуства — и отходимъ отъ него съ изумленіемъ, смѣшаннымъ съ нѣкоторою завистію; увидя *милой* предметъ, котораго нѣжная, легкая и трогательная обрисовка даже кажется намъ неправильною, любимъ его, прилѣпляемся къ нему съ перваго виду — и разлучаемся только съ тѣмъ угово-

ромъ сердца, чтобы снова и надолго соединиться! — Творенія величественной и смѣлой кисти единственнаго Рафаеля — *прекрасны*; картины любезнаго Альбана — *милы*. Одинъ, показывая на маломъ пространствѣ Невмѣстимаго, наполняетъ душу вашу чувствованіями высокими; другой, приводя васъ къ хороводамъ рѣзвыхъ Амуровъ, принуждаетъ вступать въ игры прелестныхъ малютокъ. *Прекрасное* можно уподобить блистательнымъ, рѣзкимъ краскамъ; *милое* — свѣтло-тѣни, держащей пріятное равновѣсіе между противными одинъ другому цвѣтами.

Всѣ вещи, кажущіяся случайно образованными для нашего удовольствія, дѣйствуютъ на чувства болѣе тѣхъ, которыя расположены съ намѣреніемъ. Для того *милое* трогаетъ иногда болѣе *прекраснаго*; для того нечаянная среди поля находка груды камней, представляющей какой нибудь *милой* памятникъ любви, трогаетъ болѣе колоссальнаго зданія среди пышной столицы; для того *милая* женщина плѣняетъ насъ болѣе подъ сельскимъ кровомъ, нежели самой совершенной образецъ красоты среди великолѣпнаго собранія.

Иногда вещь, почитаемая отъ многихъ *дурною,* можетъ быть для насъ *мила* по какому нибудь особенному случаю: одно выраженіе, одно чувствованіе любезнаго сердцу нашему существа заставляютъ насъ любить ету вещь, не смотря на ея противную наружность. *Не по хорошу милъ, а по милу хорошъ* — говоритъ правдивая пословица.

При видѣ *прекраснаго* невольно вырывается у насъ восклицаніе; при разсматриваніи *милаго* чувства наши не смѣютъ явно обнаружиться. Какъ *прекрасна!* — громко восклицаютъ о существѣ, котораго взоры не ищутъ побѣды, но находятъ ее, и посылаютъ гордыя награды къ рою поклонниковъ. Какъ *мила!* — говорятъ украдкою отъ строгихъ сужденій взыскательной критики о женщинѣ, въ скромныхъ взорахъ которой изображается душа чувствительная, а въ улыбкѣ приманчивой стыдливости видно движеніе внутренняго, невиннаго удовольствія. — Одинъ правильной станъ, одно прелестное лице не могутъ составить *милаго*, которое требуетъ притомъ качествъ душевныхъ. . .

Посѣтимъ теперь *милое* семейство. Отецъ принимаетъ насъ ласково; говоритъ съ пріятностью и разумомъ, не присвоивая однакожъ всего разговора и не выставляя своей родословной. Видно по словамъ его и поступкамъ, что онъ самолюбивъ только въ подругѣ своей и малюткахъ, составляющихъ утѣшеніе его жизни. Мать и вмѣстѣ супруга, не будучи красавица, имѣетъ все, чтобы служить живымъ образцемъ *милаго*. Взоры ея говорятъ избранному сю щастливцу и дѣтямъ — о любви, обѣщаютъ постороннимъ — дружбу. Сія *милая* женщина прибавляетъ къ нашимъ словамъ что нибудь *свое* хозяйственное, не касаясь меча Барберусова, которой слишкомъ тяжелъ для руки женской, и не разсматривая метеоровъ, зажженныхъ разгнѣваннымъ Божествомъ на голубомъ небѣ . . . которое и безъ того можно видѣть въ кроткихъ голубыхъ глазахъ ея. Веселые и унылые звуки выливаются для друга изъ соловьинаго горлышка, или цвѣтущая весна съ плодоносными лѣтомъ выходятъ для него же изъ-подъ искусныхъ пальцевъ. Любезныя дѣти привлекательною невинностію, послушаніемъ къ родителямъ, остроумными играми переносятъ насъ въ ихъ безпечныя

лѣта младенчества. Какое *милое* семейство! — говоримъ мы, разлучаясь съ нимъ и горя желаніемъ увидѣть его снова.

Наконецъ *прекрасное* есть соборъ всѣхъ совершенствъ, какъ въ малѣйшей части, такъ и въ цѣломъ; *милое* есть соединеніе всего простаго, пріятнаго и трогательнаго.

VI.

О ВООБРАЖЕНIИ.

Что есть воображенiе? — Не сила ли души передавать чувствамъ невидимые, отсутствующiе предметы? На примѣръ: не слыша музыки, воображаемъ *внимать* ея трогательному согласiю; закрывъ глаза, *видимъ* воображенiемъ плѣнительныя картины, писанныя мастерскою кистью природы или искуства; воображенiемъ *обоняемъ* даже розу тамъ, гдѣ растетъ, можетъ быть, одна полынь.

Извѣстно, что чувства сутъ пружины души во всѣхъ способностяхъ ума; но почти всѣ сiи способности можно подвести подъ одно воображенiе, или — иначе сказать — къ нему одному причислить. Воображать прошедшее не есть ли вспоминать, будущее — предвидѣть, мечтать? Воображать два или три предмета вмѣстѣ, каждой въ своей одеждѣ, каждой въ близкомъ, или далекомъ одинъ отъ другаго видѣ, не смотря на мѣсто и не уважая времени, не есть ли разсуждать или сравнивать? воображать настоящее не есть ли просто мыслить или чувствовать? —

Генiй одолженъ лучшими своими произведенiями сей способности ума. Съ нею пробѣгаетъ онъ обширное поле небесъ, переселяется за невидимыя сферы, развѣшиваетъ цѣлые мiры, населяетъ ихъ подобными себѣ существами; съ нею извлекаетъ онъ лучь изъ солнца и велитъ ему украшать безчисленными красками простыя произведенiя природы.

Ни одна способность души не имѣетъ такого права на разнообразiе, какъ *воображенiе*: — это букетъ ума человѣческаго, собранный изъ лучшихъ полевыхъ и садовыхъ цвѣтовъ. *Невтонъ* беретъ *его* проводникомъ своимъ, чтобы путешествовать по небесамъ и установить равновѣсiе мiровъ. *Бюффону* служитъ *оно* переводчикомъ для языка милiона животныхъ, отъ сильнаго слона до невидимаго водянаго червячка, отъ кедра Ливанскаго до приятной незабудочки, гостепрiимною зеленью скрытой, отъ блестящаго брилiанта до простой песчинки. *Руссо* занимаетъ кисть у *воображенiя*, чертитъ магическими буквами слово: *любить* — и полвселенная любитъ подъ законами Женевскаго гражданина! *Богдановичь* рукою *его* снимаетъ покрывало съ прелестей Грацiй

и соединяетъ ихъ стыдливыми въ своей Душенькѣ. *Державинъ* на крылахъ *его* летаетъ за невидимыя сферы, присутствуетъ при торжествахъ Царя Царей, и поетъ Его во всей славѣ! — Науки, художества, искуства! вы берете прелести свои отъ вооображенія. Вамъ подаетъ оно рѣзецъ — и Купидонъ Фальконетовъ улыбается въ холодномъ мраморѣ! Для васъ обмакиваетъ оно кисть въ чудесныхъ краскахъ — и жатва прелестей, красота со всею истиною, дышутъ на груди Венеры въ мертвомъ полотнѣ!

Воображеніе — другъ нещастія (не смотря на то, когда укрѣпится послѣднее, оно умерщвляетъ первое). Въ самомъ дѣлѣ, нещастный считаетъ пріятнѣйшимъ часомъ дня свиданіе съ симъ единственнымъ другомъ. Онъ разговариваетъ съ нимъ, строитъ съ нимъ не высокіе замки, но свѣтлую, покойную хижину, населяетъ ее близкими сердцу существами, проводитъ съ ними лучшія минуты жизни — и щастливъ мечтою. Нищій воображаетъ себя царемъ всѣхъ земныхъ богатствъ, и несетъ улыбаясь суму свою. Слѣпой воображаетъ себя при закатѣ румянаго солнышка, на зеленыхъ лугахъ, подлѣ свѣтлой рѣки —

и поетъ хвалебной гимнъ Природѣ! Бѣдный Поэтъ, сирота въ мірѣ, не имѣющій другихъ родныхъ, кромѣ ласковыхъ Музъ, воображеніемъ живетъ въ щастливой Аркадіи съ милою пастушкою, съ прелестными малютками, съ семействомъ друзей. Чувствительный юноша, укоряя въ заблужденіи судьбу, забывается, — мечтаетъ о райскихъ дняхъ любви, мечтаетъ о любезной; приближаетъ ее къ себѣ, слышитъ давно жданное *люблю*, чувствуетъ содроганіе руки ея, боязливое пожатіе, чувствуетъ огонь губъ ея, переливъ дыханія. . . Но кто скажетъ, что онъ чувствовалъ, какимъ щастіемъ упивался? — Воображеніе, безцѣнный даръ Неба! ты золотишь мрачныя облака жизни нашей. Съ нимъ, по окончаніи труднаго пути жизни, готовясь войти въ общее пристанище гостившихъ на землѣ, человѣкъ добродѣтельный мыслитъ еще, что манятъ его назадъ милыя воспоминанія прошедшаго. Человѣкъ съ чувствами, съ щастливымъ сердцемъ, съ цвѣтущимъ воображеніемъ, покидая близъ могилы дорожной посохъ, мечтаетъ отъ приятной прогулки возвращаться въ свою хижину, гдѣ его ждутъ жаркой поцѣлуй супруги и ласки добраго старца! . . .

Скажутъ, что воображенie бываетъ часто зломъ. Правда, но только тогда, когда оно безъ предѣла и усилилось отъ худыхъ причинъ. Тогда съ факеломъ суевѣрiя ходитъ оно по грудамъ тѣлъ и на развалинахъ городовъ ставитъ олтарь свой съ адскою усмѣшкою; тогда оститъ мечь честолюбiя для погубленiя невинности, или, подружившись съ бреднями Радклифы, ищетъ грозныхъ происшествiй по мрачнымъ подземельямъ. Но какая же въ свѣтѣ вещь, доведенная до излишества, безъ добрыхъ началъ можетъ быть полезна? Всѣ хорошiя качества души перемѣняются на худыя, какъ скоро сдѣлаются неограниченными, не будутъ имѣть путеводителя. Отнимите границы у бережливости, и она будетъ скупостiю; сдѣлайте то же съ любовiю къ самому себѣ, и она превратится въ несносное самолюбiе; то же самое сдѣлайте съ желанiемъ нравиться, и оно покажется вамъ въ видѣ кокетства; сдѣлайте равное съ честолюбiемъ, съ гордостiю, съ ревнованiемъ — и вы не узнаете сихъ благородныхъ чувствованiй!

Всякая истина въ наготѣ своей заключаетъ въ себѣ пользу; но не принесетъ никогда желаемаго успѣха, если передавае-

ма будетъ безъ особенной привлекательности. Не всегда смертный требуетъ одной важной и строгой правды; не одинъ разумъ занимаетъ его: у него есть сердце, чувства; есть наконецъ воображеніе, и кто будетъ столько жестокъ, что разлучитъ его съ нѣжными, лучшими друзьями? — Вы, которые называете себя учителями нравовъ, угрюмые писатели нашего времени! одѣньте истину вашу прозрачнымъ покрываломъ воображенія, и вы будете нравиться, подобно любезному Карамзину; подобно ему, найдете поклонниковъ дарованіямъ своимъ; раскиньте съ бережливостію цвѣты пріятнаго по сухому полю Философіи — и любезныя ученицы природы и вмѣстѣ наставницы рода человѣческаго полюбятъ душею ваши творенія; соедините умъ и сердце, будьте чувствительны безъ займа чужой чувствительности — и слезы друзей-читателей почтятъ память вашу искреннею похвалою!

Ахъ! если бы грозная истина не пугала воображенія своими опытами, мы увидѣли бы на всей землѣ Темпейскую долину!..

~~~~~~~~
~~~~~~~~

V.

НАДЕЖДА.

Чувствованіе, заставляющее насъ терпѣливо сносить настоящее зло, питая душу пріятнымъ ожиданіемъ будущаго блага, есть *надежда*.

Мы живемъ въ такомъ мірѣ, гдѣ истинныя радости посѣщаютъ насъ *мелькомъ*, а печали слѣдуютъ за нами неотступно, — но человѣкъ надѣется: утѣшеніе, которое замѣняетъ для него первыя и уменьшаетъ тяжесть вторыхъ сладкимъ ожиданіемъ будущаго. Пріятное и привлекательное мѣстоположеніе на концѣ прямой аллеи есть эмблема *надежды*.

Надежда посѣщаетъ ли великолѣпные чертоги любимца фортуны, возлелѣяннаго на пеленахъ роскоши и чувственныхъ удовольствій, считающаго минуты жизни своей суетными и порочными забавами? — Нѣтъ; она живетъ лишь въ кругу друзей нещастія и составляетъ единственную отраду добродѣтели.

Первая и необходимая потребность души, томящейся подъ бременемъ злополучія,

есть — надежда. Она освѣщаетъ лучами своими мрачное жилище бѣдности, заставляетъ его равно находить удовольствіе какъ на вѣчныхъ льдахъ Гренландіи, такъ и на горящихъ пескахъ Саары. Надежда для нещастнаго есть то, что прохладной вѣтерокъ для умирающей зелени; что берегъ отечественный для мореходца, носимаго бурями по грозной стихіи.

Жизненное пространство, раздѣляющее рожденіе со смертію, наполняемъ мы надеждою. Отъ колыбели до гроба бываетъ она неразлучна съ человѣкомъ, которой на пути жизни знакомился съ нещастіемъ. Что дѣлаетъ этотъ младенецъ, протягивающій трепещущія ручки и слабымъ голосомъ изъявляющій желаніе? — *Надѣется*, что нѣжная мать удовлетворитъ его нужды. Что дѣлаетъ этотъ нещастный, заключенный въ мрачномъ убѣжищѣ порока, едва переводящій дыханіе подъ гнетомъ тяжкихъ цѣпей и болѣзней? — Дышетъ *надеждою*, что темничной стражъ, отодвигая скрыпучіе затворы, придетъ съ улыбкою на лицѣ возвѣстить его избавленіе; что онъ возвратится подъ родимой кровъ и прижметъ къ сердцу своему оставленное имъ семейство. Что трогаетъ,

восхищаетъ сего молодаго человѣка, на лицѣ котораго говорятъ живыя ощущенія сердца? — *Надежда* принять на землѣ изъ устъ *милой* всѣ радости жизни вѣчной. Что можетъ облегчить горесть осиротѣвшаго друга, отторженнаго хладною рукою смерти отъ предмета, составлявшаго все щастіе жизни его? — *Надежда* соединиться съ нимъ въ объятіяхъ вѣчности! — Ею человѣкъ оживляется при таинственномъ переходѣ изъ сей жизни въ другую; съ *нею* добродѣтель не промѣняетъ разодраннаго рубища на богатую одежду, мрачной хижины на свѣтлыя палаты царей; съ *нею* нищій живетъ въ изобиліи, доволенъ и среди бѣдности!

Во всѣхъ вѣкахъ надежда была утѣшительницею земнородныхъ. Почтенная древность (*) приносила къ олтарямъ сего благодѣтельнаго божества благодарность, сію чистѣйшую жертву сердца. Цицеронъ говоритъ, что одна добродѣтель имѣла право на ея покровительство.

Чѣмъ болѣе надежда занимаетъ сердце нещастливца, тѣмъ болѣе усиливаются его

(*) *Греки чтили ее подъ именемъ Elpes, а Римляне покланялись ей подъ именемъ Spes publica, то есть надежда общественная.*

страданія, если благо, которое думалъ онъ обнять, въ ту же минуту изчезаетъ. Сему страдальцу необходимо нужно вооружиться твердостію, когда надежда, исполнявшая сердце его пріятнымъ ожиданіемъ, не могла увѣнчаться щастливымъ событіемъ.

Гдѣ обитаетъ надежда, тамъ живутъ и радости; гдѣ нѣтъ ее, тамъ нѣтъ и жизни! — Что можетъ вознаградить надежду? Любовь . . . но и та почти всегда умираетъ безъ *надежды*.

VI.

РАЗГОВОРЪ
о Любви.

Агатонъ.

Положеніе твое противъ зеркала; взоры, ласкающіе обманчивое стекло и показывающіе явное довольство; большая занимательность самимъ собою и невниманіе ко всему постороннему — прекрасной образецъ самолюбія для мастерской кисти!

Филекой.

Очень кстати приходъ вашъ, господинъ художникъ! Примѣшайте для картины вашей краску стыдливости, которая — какъ вы можете замѣтить — очень нужна для настоящаго моего изображенія.

Агатонъ.

На етотъ случай не трудно вынудить у меня согласіе. Кисть моя, водимая сердцемъ, желала бы чаще привлекать зрителей изображеніемъ пріятнаго и вмѣстѣ полезнаго въ страстяхъ.

Филекой.

Понимаю, что ты любишь свѣтлотѣнь . . . Но смѣю спросить, много ли видимъ такихъ образцовъ совершенства?

Агатонъ.

Хотя они рѣдко выставляются въ картинной галлереѣ свѣта; но они безспорно существуютъ — и съ насъ довольно одного *идеала*, чтобы вообразить истинную привлекательность самой добродѣтели. Мы не должны однакожъ изъ того заключать, что два живописца — одинъ порочныхъ, другой добродѣтельныхъ дѣяній — принося себѣ различныя выгоды, не были равно полезны обществу: оба они имѣютъ хорошую цѣль, и слѣдственно каждому отдавать должно, что ему принадлежитъ.

Филекой.

Всякому свое — правило неоспоримое! Мы не живописцы, слѣдственно должны оставить другимъ художество, которымъ они могутъ располагать по своей волѣ.

Агатонъ.

Скажи же мнѣ причину, заставившую тебя передъ моимъ приходомъ представить образецъ самолюбія?

Филекой.

Дружба неразлучна съ искренностію — и я готовъ открыть тебѣ все, чего ни потребуешь. Вчера, среди блестящаго собранія, одна милая красавица показала обворожительную улыбку при встрѣчѣ со мною, бросила мнѣ взоръ предпочтенія, и я возгордился моими наружными достоинствами.

Агатонъ.

Прекрасное личико и правильной станъ бросаются въ глаза, но рѣдко доходятъ до сердца безъ качествъ душевныхъ. Будучи на твоемъ мѣстѣ, я получилъ бы, конечно, безъ сопротивленія мѣткія стрѣлы волшебницы, но не далъ бы воли. . . .

Филекой.

Ребяческому самолюбію, скажешь ты? Но кто не сдѣлается малолѣтнымъ, играя часто съ малолѣтными? . . .

Агатонъ.

Неосновательно было бы однакожъ хвататься за ходули, когда можемъ прогуливаться съ помощію одного посоха. — Согласенъ съ тобой, что воскъ не выдержитъ зажженной свѣчи; но стоитъ только лег-

чайшему вѣтерку непостоянства подуть на нее, — и она погаснетъ.

Филекой.

Не желаю находить въ будущемъ ничего грознаго; хочу только наслаждаться пріятностями настоящаго.

Агатонъ.

Это желаніе безразсудно! Оно можетъ нанести тебѣ двойныя горести.

Филекой.

Ахъ! сердце наше легкомысленно; оно вѣритъ щастію, утѣшается имъ, любитъ и надѣется . . . Иногда совершаются на самомъ дѣлѣ пріятныя мечты его, но чаще печаль приходитъ къ нему съ посѣщеніемъ.

Агатонъ.

„Кому не мило мечтать!“ Поэтъ сказалъ бы, что печаль сѣетъ розы по пути любви. — На примѣръ, я *люблю*. Какъ воображеніе играетъ мною! Какіе прекрасные замки строю на основаніи живыхъ, постоянныхъ чувствованій! Тамъ вижу ласковую улыбку любезной сердцу; слышу милое слово, обворожающее душу мою; здѣсь чувствую пожиманіе руки, которымъ она, кроясь отъ себя самой, обнаруживаетъ мнѣ тайны сокровеннѣйшія; здѣсь, о сила блаженства! впиваю

въ себя душу ея. Тогда разсыпьте передо мною цѣлыя кучи золота, и я не взгляну на нихъ; тогда предлагайте мнѣ всѣ превосходства породы и богатства, и я не приму ихъ.

Филекой.

Какъ жаль, что одно слово жестокое, одинъ взоръ холодной превратятъ твои палаты въ развалины!

Агатонъ.

Тогда увидятъ меня на нихъ печальнаго и нещастнаго; тогда каждый прохожій покажется мнѣ насмѣшникомъ. — Не смотря на то, вспомню пріятныя мечты о щастливой любви, и останусь довольнымъ.

Филекой.

Что ты думаешь о непостоянствѣ?

Агатонъ.

Вижу много пріятностей въ узахъ любви, укрѣпленныхъ сходствомъ и непорочностію нравовъ; напротивъ того, знакомясь съ ними чрезъ изступленія и крайности, она ведетъ за собою толпу горестей.

Филекой.

Ты любишь всегда избирать среднюю дорогу.

Агатонъ.

Увѣренъ, что она лучшая; потому что, не попавши на самую совершенную, мы по крайней мѣрѣ избѣгнемъ опаснѣйшей.

Филекой.

Сколько есть такихъ обстоятельствъ, которыя заставляютъ невольно уклоняться отъ сего средняго пути! Идешь по немъ, и видишь съ обѣихъ сторонъ приманчивые виды: тамъ свѣтлое озеро, здѣсь тѣнистой кустарникъ, далѣе разноцвѣтная полянка; все прельщаетъ меня, все призываетъ насладиться роскошью меланхоліи — и я не силенъ буду противиться!

Агатонъ.

Хотя картина твоя полна, я прибавлю къ ней тебя самаго, бѣгающаго за вѣтреною бабочкою и блуждающаго наконецъ въ густотѣ лѣса. Ты можешь теперь дѣлать раму . . .

Филекой.

Опытъ, къ нещастію, доказалъ уже мнѣ, что я часто блуждалъ въ темнотѣ раскаянія, бѣгая за вѣтренностію и обольщеніемъ: слабости человѣческія, мой другъ...

Агатонъ.

Мало извинительныя! — Не подумай однакожъ, чтобъ я былъ изъ числа тѣхъ

людей, которые за малѣйшую ошибку ума и чувствъ стоятъ, кажется, за нами съ желѣзнымъ прутомъ. Небольшая слабость извиняется въ существѣ несовершенномъ, каковъ человѣкъ; великая достойна. . .

Филекой.

Строгаго наказанія, выговора безъ конца?

Агатонъ.

Ни того, ни другаго! Оставимъ жестокія средства для одного порока; дружеской выговоръ можетъ довольно подѣйствовать надъ человѣкомъ чувствительнымъ, къ намъ привязаннымъ.

Филекой.

Совѣтъ дружбы убѣдителенъ. Начинаю вѣрить, что непостоянство рѣдко прощается . . .

Агатонъ.

Не должно никогда полагаться на одну привлекательную наружность. *Взгляни* на многихъ свѣтскихъ красавицъ, и ты будешь удивляться ихъ знанію свѣта, *остротѣ* ихъ ума; *всмотрись* въ нихъ, и увидишь, что легчайшій вѣтерокъ можетъ лишить ихъ искусственнаго румянца, которой мы принимали за цвѣтъ стыдливости и добродѣтели; войди во внутренность

ихъ дома, и найдешь, можетъ быть, зависть къ соперницамъ, жестокость къ подчиненнымъ и скучную праздность. — Я говорю о самомъ малѣйшемъ числѣ женщинъ.

Филеной.

Что скажешь объ Елизѣ?

Агатонъ.

Быть простодушною, живою, любезною въ обществѣ, какъ и у себя, не думая блистать и нравиться; ничего не требовать, и все пріобрѣтать: сіи достоинства принадлежатъ милой Елизѣ. Видѣть и любить ее — эти слова составляютъ одно въ лексиконѣ сердца.

Филеной.

Примѣчалъ ли ты, какъ языкъ вѣтрености — отъ котораго должна всегда краснѣться стыдливость — не смѣетъ при ней двигаться?

Агатонъ.

Добродѣтель можетъ заставить порочныхъ почитать себя и даже любить. — Какъ Елиза скрываетъ ею сдѣланное добро подъ завѣсою скромности! Она не любитъ выказывать при всѣхъ чрезмѣрной чувствительности; за то втайнѣ льетъ слезы о судьбѣ нещастныхъ и дѣлаетъ имъ нѣ-

жныя вспоможенія. Прекрасные глаза ея не потемняются, огонь ихъ еще болѣе оживляется состраданіемъ.

Филекой.

Чувствую, что любить добродѣтель въ образѣ женщины, есть любить все благороднѣйшее, все прекраснѣйшее.

Агатонъ.

Положимъ, что бракъ освятилъ чувствія щастливыхъ любовниковъ. Каждая минута бытія ихъ есть минута райскихъ наслажденій, каждой шагъ есть приближеніе къ блаженству. Одинъ угадываетъ мысль любезной, другая предупреждаетъ ее; оба стремятся къ содѣйствію общихъ удовольствій. Взгляни на милыхъ, нѣжныхъ дѣтей ихъ — и пиши группу щастливой любви.

Филекой.

Ты не полагаешь въ этой семьѣ нещастія.

Агатонъ.

Потеря одного можетъ почесться для другаго истиннымъ нещастіемъ. Всѣ же прочія потери — лишеніе имѣнія, выгоднаго мѣста, и проч. — не могутъ идти въ списокъ ихъ злополучій; потому что каждый старается усладить ихъ, каждый облегчаетъ для другаго тяжкое бремя,

и оно наконецъ совсѣмъ сваливается съ сердца.

Филекой.

Кого сія чета не приведетъ въ зависть! Но скажи мнѣ, можно ль изъяснить любовь?

Агатонъ.

Языки словъ, звуковъ и цвѣтовъ не сильны выразить ее. Двѣ тому причины: первая, что роды ея неизчислимы и имѣютъ столько же различныхъ видовъ, сколько есть различныхъ любящихся существъ; вторая, что она познается однѣми чувствованіями. Когда можно будетъ дать образъ душѣ, тогда изъяснятъ совершенно любовь.

Филекой.

Мой *умъ* не можетъ понять, отъ чего самое слово *люблю* имѣетъ для души столько прелестей. Говорите рѣчи о дружбѣ, благодарности — я буду почитать сіи благородныя чувствованія; скажите мнѣ одно слово о любви — и я буду ощущать ее, привлекусь къ ней всѣми силами!

Агатонъ.

Люблю, слѣдственно существую — сказалъ одинъ любезный мудрецъ (*) —

(*) *Сентъ-Евремонъ.*

и кто не приметъ сіе правило за основаніе всѣхъ сердечныхъ правилъ? Въ самомъ дѣлѣ, можно ли назвать существованіемъ печальную жизнь, съ которою не связана *любовь*? Ею одной мы дѣлаемся сострадательны, любезны, общежительны; ею образуемся для всего пріятнаго и полезнаго; ею познаемъ живыя, продолжительныя наслажденія.

~~~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~~~

VII.

О ЖЕНЩИНАХЪ.

(Мысли славнѣйшихъ писателей.)

Нѣжное и стройное составленіе тѣла, одаренная рѣдкою чувствительностію душа, быстрое воображеніе, съ живостію страстей соединенное, дѣлаютъ женщинъ способными къ наслажденію всѣми дарованіями и къ познанію всѣхъ добродѣтелей. . . . Если бы сіи способности были ими усовершенствованы; то онѣ содѣлали бы, конечно, щастіе обоихъ половъ и всего общества. Судя по безпечности ихъ о лучшемъ образованіи сихъ способностей, можно бы подумать, что существа, сотворенныя для щастія, очень мало пекутся о собственномъ щастіи. . . . Не долго продолжаются весенніе дни прекрасной женщины (имѣющей одну красоту тѣлесную); настанетъ для нее туманная осень, поблекнутъ цвѣты, и однѣ горестныя воспоминанія о прошедшемъ займутъ пустоту души ея! Не находя уже болѣе подпоры въ стра-

стяхъ своихъ, она съ прискорбіемъ увидитъ власть свою разрушенною всегубительною рукою времени; мущины перестанутъ воскурять ей фиміамъ лести на жертвенникѣ любви; наконецъ терзательная скука заставитъ ее прибѣгнуть ко гнусному злословію, или къ ложному благочестію. Напротивъ того женщина, соединяющая въ себѣ съ изящными дарованіями, придающими столько пріятностей любезному полу, украшенный науками умъ, находитъ въ самой себѣ неизсякаемые источники наслажденій, приготовляя себѣ, чрезъ сіи всемощныя орудія, владычество надъ мущинами, владычество, самой красоты сладостнѣйшее; ибо оно въ позднихъ лѣтахъ будетъ утѣшеніемъ друзей ея, какъ и во дни цвѣтущей юности было утѣшеніемъ ея любовниковъ. . . Развитіе сокрытаго ростка всѣхъ добродѣтелей зависитъ отъ благотворнаго свѣта сихъ познаній, разливаемыхъ въ душѣ прекраснаго пола. Въ то самое время, когда женщина начинаетъ чувствовать потребность любить, познанія сіи избавятъ и предохранятъ ее отъ сихъ унизительныхъ угожденій, отъ сихъ связей, скрѣпленныхъ постыдною слабостью, которая покрыла бы

ее навѣки безчестіемъ, даже самую страсть превосходящимъ. Сими познаніями будетъ она умѣть привлечь къ себѣ человѣка, достойнаго по всѣмъ правамъ ея любви, и котораго сообщество познакомитъ ее съ неизвѣстными и отдаленными странами мысленнаго свѣта, доставляя пріятную пищу разуму. . . . Тогда изчезнетъ скука, сей лютой червь, медленно снѣдающій нить жизни нашей; она познаетъ истинныя удовольствія, не покупаемыя цѣною безчестія — удовольствія, которыхъ легкомысленной человѣкъ видитъ одни призраки. — *Опытъ о разныхъ предметахъ, касающихся до нравственности и политики.*

Общество зависитъ отъ женщинъ. Всѣ народы, содержащіе ихъ въ заключеніи и рабствѣ, бываютъ грубы и необразованны.

Я не понимаю, по чему женщины не могли бы упражняться въ наукахъ и художествахъ; онѣ совершенствуютъ душевныя способности, а разумъ придаетъ всему пріятность. . . Украшенный науками умъ есть новая прелесть, новое владычество. — *Вольтеръ.*

Жить въ маломъ кругу своего семейства и нѣсколькихъ пріятелей (*), содержать оное въ порядкѣ, вести скромную и тихую жизнь — вотъ добродѣтели женщинъ, трудныя добродѣтели; ибо онѣ почти всегда остаются въ неизвѣстности. Сколь достойна любви и почтенія женщина, умѣющая находить въ собственномъ сердцѣ награду свою! — *Г-жа Ламберъ.*

Всякой законодатель, всякой Монархъ, желающій пріобрѣсти любовь подданныхъ, утвердивъ ихъ щастіе на незыблемомъ основаніи, долженъ присоединить женщинъ къ сторонѣ законовъ и нравственности, долженъ поставить добродѣтель и славу подъ эгидомъ красоты, подъ охраненіемъ самой Любви; безъ сего союза не можетъ утвердиться щастіе сыновъ его. – *Мармонтель.*

За неусыпныя и нѣжныя попеченія, пріемлемыя во младенчествѣ нашемъ, женщина заслуживаетъ, какъ *мать* — почте-

(*) Отказаться отъ блестящихъ собраній! — скажете вы, милыя прелестницы, кружащіяся въ вихрѣ бурнаго свѣта! — Не осмѣливаюсь быть строгимъ цензоромъ вашимъ; не могу требовать, чтобъ вы навсегда отказались отъ шумныхъ удовольствій: но желалъ бы отъ искренняго, приверженнаго къ вамъ сердца, чтобъ вы ограничили кругъ сихъ веселостей, мѣняя ихъ на удовольствія, питательныя для разума и сердца. — *Прим. Перев.*

ніе, какъ *кормилица* — благодарность; во дни цвѣтущей молодости заслуживаетъ любовь — какъ *любовница*; въ возмужалыхъ лѣтахъ нѣжность — какъ *супруга*, довѣренность — какъ попечительная *хозяйка*, защиту — какъ *слабое твореніе*; въ старости уваженіе — какъ *мать* нашего потомства, наконецъ искреннюю дружбу — какъ *другъ*, раздѣлявшій съ нами всѣ пріятности и огорченія, сопряженныя съ жизнію. Неосновательность мыслей и самыя прихоти ея умѣряютъ важность мущины, и не рѣдко приходятъ въ равновѣсіе съ обдуманною его степенностью. Такимъ образомъ недостатки одного пола взаимно дополняются излишествомъ другаго. — *Шатобріанъ*.

Женщины переходятъ въ поведеніи своемъ отъ одной крайности къ другой: онѣ бываютъ или порочнѣе, или добродѣтельнѣе мущинъ. — Женщины могутъ живѣе ощущать любовь и всѣ пылкія страсти, нежели мущины; но сіи послѣдніе превосходятъ ихъ въ дружбѣ. — Женщины, на пути жизни, даютъ намъ чувствовать величайшія огорченія и величайшія блага, какими только можемъ наслаждаться на землѣ. — *Лабрюйеръ*.

Во всѣхъ земляхъ, гдѣ только мущины владычествуютъ какъ тираны, женщины бываютъ лживы: — вездѣ насиліе раждаетъ лукавство. — *Сен-Пьеръ.*

Порочныя женщины бываютъ отъ порочныхъ мущинъ; первыя для того дурны, что послѣдніе не стоятъ лучшихъ. — *Карамзинъ.*

Какой любовникъ не горѣлъ живѣйшимъ желаніемъ отличить себя на поприщѣ славы, если любимой предметъ гордится пріобрѣтенными имъ душевными способностями! Впрочемъ никто, кромѣ добродѣтельной женщины, не можетъ возбудить въ немъ сихъ желаній и влить въ душу его чистѣйшій огнь къ изящному и великому. — *Жанлисъ.*

Кротость есть первое и необходимое достоинство прекраснаго пола. Женщина — любезнѣйшее твореніе, какое только вышло изъ рукъ Создателя, и сотворенное для повиновенія мущинѣ, столь часто прилѣпленному къ порокамъ — должна заранѣе приготовить себя къ великодушному переношенію самой несправедливости; не для него собственно, но для себя должна быть она тиха. Чѣмъ больше досада, чѣмъ тверже упорство женщинъ, тѣмъ больше

увеличиваются ихъ прискорбія и жестокосердые поступки мужей. Для того ли Небо содѣлало женщинъ вкрадчивыми и убѣдительно ласковыми, чтобы вооружить ихъ злобнымъ своенравіемъ? Слабость для того ли досталась имъ въ удѣлъ, чтобы тирански господствовать? Согласенъ ли тихой и гармонической ихъ природной голосъ съ суровымъ голосомъ брани? Черты, проведенныя самою нѣжностью, не бываютъ ли изкажаемы злобою? . . . Своенравіе, овладѣвъ ими, приводитъ ихъ въ забвеніе всего; очень часто имѣютъ онѣ право жаловаться, но преступаютъ право сіе, когда гнѣвъ начинаетъ дѣйствовать въ ихъ сердцѣ. — Никто не знаетъ довольно, какія выгоды могли бы произойти въ обществѣ отъ лучшаго образованія сей половины, управляющей другою половиною человѣческаго рода. Мущины будутъ всегда тѣмъ, чѣмъ угодно будетъ ихъ видѣть женщинамъ. И такъ если вы желаете, чтобы онѣ были великими и добродѣтельными, объясните женщинамъ, въ чемъ состоитъ величіе души и добродѣтель. — *Ж. Ж. Руссо.*

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

Мѣлкія
Стихотворенія.

On aime à redire ce que l'on aime à sentir.

I.

МОИ МЕЧТЫ.

Мечты любезныя! кто вамъ душою данникъ,
Тотъ щастливъ навсегда!
Лишь горю въ васъ пріютъ; лишь съ вами иногда
Рветъ розы на пути судьбой гонимый странникъ.
Хоть жизни мало нить я съ Паркою тяну,
Но съ вами хижину построилъ не одну,
Гдѣ образъ помѣщалъ душѣ любезныхъ, милыхъ;
Не строилъ я палатъ блистательныхъ, унылыхъ,
Гдѣ сердце гордое коварство изгрызетъ,
И гдѣ лишь для того Пигмей яремъ несетъ
Передъ вельможей - истуканомъ,
Чтобъ на ходули ставъ, казаться великаномъ.
Кто долю скромную и средній путь смѣнилъ
На обѣщанія богини перемѣнной,
Тотъ часто, часто дань нещастію платилъ
И слезы проливалъ на злато потаенно.
Нѣтъ, никогда меня величье не прельститъ,
Къ себѣ не привлечетъ богатства блескъ ничтожный!
Когда природа чувству говоритъ;
Коль симпатіи даръ, даръ тайный, но неложный,
Безъ словъ умѣлъ пересказать
Двухъ любящихъ сердецъ влеченье непонятно;

Когда языкъ, для сердца внятной —
Взоръ взору началъ отвѣчать:
Тогда ли думать мнѣ о пыльномъ блескѣ злата?..
Любовь сама собой богата;
Не проситъ помощи чужой.
Для ней всегда открытъ храмъ роскоши святой
Невинныхъ, страстныхъ восхищеній,
Храмъ добродѣтели и вмѣстѣ наслажденій,
Куда не смѣетъ заглянуть
Раскаянье съ лицемъ изсохшимъ, желтоблѣднымъ,
Всегда взирающе на свой протекшій путь;
Порокъ съ намѣреньемъ зловреднымъ
Лить безъ пощады ближнихъ кровь:
Ихъ гонитъ истинна любовь!
И такъ упрямыхъ ногъ фортуны не лобзая,
Сердечнымъ ладаномъ предъ нею не кадя,
О чемъ Творца молилъ бы я? —
Чтобы посредственность, для щастья дорогая,
Съ которою нигдѣ не знаешь вѣкъ заботъ,
Не мчишься въ высоту желаній безразсудныхъ,
Съ которою мнѣ близокъ тотъ,
Кто ближній бѣдности, печалей многотрудныхъ; —
Чтобы посредственность пришла
Украсить хижину, куда бы притекла
Хозяйка главная — любовь! . . . О сонъ прелестный!
О сладкая мечта! . . . Въ жилищѣ бы моемъ
Чтобъ томной роскоши огнемъ
Блисталъ взоръ милой и небесный,
Взоръ друга — женщины! а мнѣ у ногъ ея
Живые бы держать портреты въ миньятюрѣ,
Любезные въ самой натурѣ;
Улыбка Ангела манила бы меня

На пламенныхъ устахъ принять жизнь сладку, нову! . .
Тогда-ль мнѣ не внимать ея закону — слову?
Умѣло-бъ сердце понимать
Любви невольное, стыдливое движенье,
Желанью тайному умѣло бы давать
Щастливое предупрежденье!
Мальвина! еслибъ ты . . . теряюся въ мечтахъ! . . .
Ахъ! еслибъ ты могла прочесть въ моихъ глазахъ
Все, все, что ощущаю
Въ минуты сладкія, когда съ тобой одинъ,
Надъ сердцемъ болѣе уже не властелинъ.
Забывши міръ, людей, себя не понимаю;
Томясь . . едва дыша. . . въ дыханіи твоемъ
Жизнь черпаю и смерть, и щастіе, и муку! . . .
Ахъ! если бы тогда трепещущую руку
Хотѣла положить на сердцѣ лишь моемъ. . .
Еще бы устъ твоихъ одно прикосновенье! . . .
(Сама же ты несешь нещастнымъ облегченье!)
Такъ, милость есть твой даръ! . . . Я чувствую. . . рука
Твоя въ моей. . . . слегка,
Съ боязнію ее сжимаетъ. . .
Туманенъ милой взоръ — на немъ слеза блуждаетъ,
И меркнетъ и блеститъ,
И пишетъ мнѣ законъ и сжалиться велитъ!
Какъ слитымъ трепетомъ листочковъ сочетанье
Родитъ весны дыханье:
Дыханіемъ твоимъ слилась душа съ душой! . . .
О милая! постой!

Безсмертья-ль єто мигъ, иль жизни разру-
шенье? . . . .
Мечта! мечта! . . . Одинъ! — ни взора,
ни руки;
Лишь, слезы, вы со мной теперь, друзья тоски!
Лишь, слезы, вы со мной, о бѣдныхъ утѣшенье!
На крыльяхъ парусовъ по грознымъ стихіямъ
Съ надеждою пловецъ носился;
Раздоры бурь забывъ, мечталъ пристать къ
брегамъ;
Родимой кровъ обнять, друзей, семью онъ
льстился:
И — мертвый принесенъ на хладной брегъ
волной!
Мальвина! такъ и я, отринутый тобой! . . . —
Мечты пріятныя! опять, опять летите;
Осыпьте розами меня
И кистью легкою путь жизни оттѣните! —
Мечты-друзья со мной; мечтами ща-
стливъ я! . . .

II.

СТАНСЫ.

Когдабъ я былъ любимъ, прекрасная, тобою,
Минуту каждую съ дыханіемъ твоимъ
Впивалъ бы щастіе я пламенной душою.
Когдабъ я былъ любимъ!

Когдабъ я былъ любимъ, древъ робкіе листочки
Шептали бы *любовь*; ласкаясь нѣжно къ нимъ,
Дышали бы всякъ мигъ прохладны вѣтерочки,
Когдабъ я былъ любимъ!

Когдабъ я былъ любимъ, то могъ либъ ненавидѣть
Нещастныхъ, голосъ чей любовью доносимъ?
Мнѣ-ль въ радостяхъ своихъ страданья чужды видѣть,
Когдабъ я былъ любимъ?

Когдабъ я былъ любимъ — средь тихихъ наслажденій
Изчерпалъ бы я жизнь, прильнувъ къ устамъ твоимъ;
Завидна-бъ смерть была въ минуты упоеній,
Когда-бъ я былъ любимъ!

Когдабъ я былъ любимъ, — увы! то сна мечтанье,
Которое съ зарей мы улетѣвше зримъ; —
Я рая-бъ не просилъ въ томъ сладкомъ упованьѣ,
Что я тобой любимъ!

III.

РАЗЛУКА.

(*Романс, подражаніе Нѣмецкому.*)

Прости — для сердца тяжко слово!
Прости! я наконецъ сказалъ,
И съ нимъ мученье столько ново
Въ любви твоей не ожидалъ.
Всѣмъ радостямъ я чужеземный,
Живу отъ жизни удаленный;
А ты, о *Лила*! можетъ быть,
Меня желаешь вѣкъ забыть.

*

Пускай мечтаній рой крылатый
За милой всюду на пути
Напомнитъ дни, когда богаты
Мы были радостью любви.
Хранителемъ твоимъ, съ тобою
На шагъ не разлучусь душою;
А ты, о *Лила*! можетъ быть,
Меня желаешь вѣкъ забыть.

*

Пускай тебя вездѣ встрѣчаетъ
Улыбка нѣжная людей,
Слѣды твои пусть провожаетъ
Любовь, утѣха нашихъ дней!
Готовъ тебѣ мигъ наслажденья
Купить я годомъ огорченья;
А ты, о *Лила*! можетъ быть,
Меня желаешь вѣкъ забыть.

*

Ахъ! вспомни, какъ въ сѣни прохладной
Я прочиталъ въ глазахъ твоихъ
Весь гнѣвъ небесъ; но лучь отрадной
Блеснулъ съ любовью скоро въ нихъ:
Опять съ судьбою вмигъ обнялся,
Опять жить для тебя остался;
А ты, о Лила! можетъ быть,
Меня желаешь ввѣкъ забыть.

*

Когда я сердце увѣряю,
Что нѣжно я любимъ тобой,
Кто знаетъ, — можетъ быть, мечтаю...
А истинно щастливъ другой!
Когда твое воспоминанье
Мнѣ жизнь — въ немъ черпаю дыханье —
Тогда, о Лила! можетъ быть,
Меня желаешь ввѣкъ забыть.

*

Ахъ! помни, помни, какъ разлуку
Ужасно было сердцу несть;
Какъ я, твою сжимая руку,
Не смѣлъ отъ милой взоръ отвесть;
Какъ Небу клятвы подтвердили,
Сомкнувъ уста, мы слезы лили...
Но ты, о Лила! можетъ быть,
Меня желаешь ввѣкъ забыть.

~~~~~~~~~~
~~~~~~~~~~

IV.

А. А. ПИСАРЕВУ

на вызовъ его написать стихи на смерть Державина.

Еще не заслужилъ я скромнаго вѣнца
И прахъ безвѣстности лежитъ на бѣдной лирѣ,
Ты мнѣ велишь на гробъ великаго Пѣвца
Нести мой скудный даръ, осиротѣвшій въ мірѣ. . . .
Нѣтъ, нѣтъ! безвѣстнаго удѣлъ въ тѣни молчать;
Лишь славѣ славнаго прилично воспѣвать!
Тебѣ съ двойнымъ вѣнцемъ отъ Музъ и брани бога
(Ты геніемъ пѣвца всегда руководимъ!)
Къ могилѣ славнаго очищена дорога.
Твой жребій — прахъ его хранить щитомъ своимъ, —
Въ благоговѣніи мой праху покланяться;
Тебѣ — великихъ пѣть, а мнѣ — имъ удивляться!

V.

ДЕЛЬФИРѢ,

которая просила меня написать ей эпитафію, прибавивъ, что она желаетъ умереть.
(Посвящено Кн. А. В. Ш — й.)

Могла ли требовать Дельфира отъ меня,
Чтобы пресѣчь ту жизнь, Поэзіи мечтою,
Котору замѣнить я радъ своей цѣною?
Чтобы услышавъ смерть любезнѣйшей, стеня
Пришли подъ кровъ уединенной
Богини тройственны сестрицы ихъ искать
И въ ней безвиннаго поэта упрекать?
Чтобы Игры жалобы носили по вселенной
На бѣднаго меня? чтобъ Смѣховъ рѣзвой рой
О милой въ первой разъ отъ вѣка прослезился
И въ темнотѣ лѣсовъ, въ глуши бы поселился,
Гдѣ разливается пустынныхъ вѣтровъ вой,
И эхо отдаетъ совы однѣ стенанья?
Чтобы . . . нѣтъ! твоего не внемлю приказанья,
И эпитафіи, повѣрь, не напишу.
Скажи, гдѣ краски я сыщу
Изобразить Любовь и Дружбу сиротами,
Бродящихъ по міру съ унылою душей,
И вопрошающихъ у каждаго слезами,
Гдѣ ихъ любимицы прахъ милой скрытъ землей?
Скажи: кисть слабая уже ли начертаетъ
Волненіе сердецъ и все, что ощущаетъ
Въ разлукѣ человѣкъ, въ разлукѣ страшной съ тѣмъ,
Кто жизни былъ ему нужнѣе,

Съ кѣмъ сладостію чувствъ, съ кѣмъ онъ дѣлился всѣмъ?
Что самыя мечты о томъ быть можетъ злѣе? ..
Но ропотъ милыхъ устъ, но томныхъ глазъ слеза
Мнѣ ясно говорятъ, что ты въ любви нещастна . . .
Знать, року общему и ты подвластна!
„Что смерть?“ ты говоришь, взглянувъ на небеса,
И ищешь въ нихъ любви другаго совершенства:
„Что смерть? Мученья мигъ для вѣчнаго блаженства!
Сей мигъ, ахъ! менѣе, чѣмъ самое *ничто*! . . .
Почтожъ сіе *ничто*, какъ мрачно привидѣнье,
Ведетъ къ нещастному холодно разсужденье?
Обнявшися почто съ ужасною мечтой,
Считаетъ разумъ въ немъ всѣ ужасы могилы? ..
Ахъ! сердцу чистому, умѣвшему любить,
Умѣвшему нещастнымъ быть,
Смерть улыбается, какъ Ангелъ кроткій, милый!“
Сердецъ чувствительныхъ мораль всегда была
И будетъ сердцу ввѣкъ мила.
Такой моралью мнѣ не можно не прельститься;
Но дружбѣ ты позволь свою къ ней примѣшать:
Я буду тѣмъ гордиться,
Что *утѣшенье всѣхъ* я стану утѣшать . . .
Всѣ любятъ на землѣ: — Лапландца подъ снѣгами
Любовь течетъ въ крови;
Невольникъ-Негръ, глуша къ тиранамъ страхъ цѣпями,
Къ ихъ грому звукъ рѣчей приложитъ и любви;
Богаты въ нищетѣ ея богатствомъ, силой,
Печальный, бѣдный зрятъ въ ней щастіе свое;

Изнѣженно дитя богини легкокрылой,
И добрый другъ полей — всѣ чувствуютъ ее;
Всѣ платятъ дань любви, всѣ платятъ дань печали,
Восторгу вздоховъ, нѣжныхъ слезъ;
Таковъ законъ Небесъ!
Ты любишь — глазъ твоихъ мнѣ вѣстники сказали;
Ты любишь — не скрывай! . . . За чѣмъ же не искали
Ко сердцу твоему слѣда
Въ часъ горестный, унылый
Любви сестрицы милы?
Надежда съ Вѣрою что дѣлали тогда? . .
Ахъ! время воротить сердечны ожиданья,
Надеждой милою и милымъ снова жить,
И вѣрить щастію и щастіе вкусить!
Есть время удержать цвѣтущія желанья
И уловить дитя за быстрое крыло —
Не съ крепомъ, не съ слезами —
Дитя съ улыбкою, съ горящими очами,
Которое тебѣ невѣрнаго-бъ нашло!
Надѣйся! можетъ быть, другъ милой обратится,
И съ знаками тоски, съ увядшею душей
Придетъ разцвѣсть въ душѣ твоей,
И съ жизнью новыхъ чувствъ, съ блаженствомъ примирится!
Быть можетъ, въ самой мигъ,
Когда къ любви его умершимъ почитаешь,
Онъ вѣренъ, онъ у ногъ твоихъ —
И мигомъ слитыхъ устъ вѣкъ горя награждаешь! . . .
Ахъ! въ щастіи своемъ поэта не забудь:
И я осиротѣлъ! . . . придижъ со мной вздохнуть!

VI.

СОЛОВЕЙ и ПРОХОЖІЙ

Прохожій.

О чемъ тоскуешь ты, любезный Соловей?

Соловей.

Люблю — и разлученъ съ подружкою моей!

Прохожій.

Конечно люта смерть нещастную сразила?

Соловей.

Ахъ, нѣтъ! Соловушка другаго полюбила! . .

Прохожій.

Въ лѣсочкѣ много ихъ; — невѣрну тщись забыть.

Соловей.

Для сердца ни одной . . . и *милой* ужъ не быть!

VII.

Эпитафія М. М. Хераскову.

Россія, наклонясь надъ урной, слезы льетъ
Любимца Музъ; вѣнецъ къ подножью повергаетъ,
И въ мысляхъ говоритъ: „Пѣвца Россіи нѣтъ!
Ктожъ славы днесь моей величіе познаетъ?“

VIII.

СИРОТСТВО СЕРДЦА.

Сердцемъ живши сиротою,
Вѣчно слезы будешь лить;
Одному съ самимъ собою
Тяжко, тяжко въ мірѣ жить —
Одинокимъ жить средь свѣта
И природѣ быть чужимъ,
Ввѣкъ не знать любви привѣта
И дѣлиться ввѣкъ съ другимъ!

❖

Такъ я думалъ, — заточеньемъ
Мнѣ казался бѣлой свѣтъ;
Недовольный Провидѣньемъ,
Я сказалъ: здѣсь щастья нѣтъ!
Но надежда вдругъ блеснула,
Разцвѣла душа, вздохнувъ;
Ахъ! Мальвина съ ней вздохнула,
На судьбу мою взглянувъ.

❖

Вмѣстѣ, розной стороною
Сердце лишь имѣть одно;
Мыслить мыслію одною,
Ощущать вездѣ равно;
Душу, жизнь, чѣмъ ни владѣешь,
Все любезной передать;
Что отъ Бога ни имѣешь,
Все отъ милой получать:

❖

Участь сладка, несравненна!
Я въ раю съ Мальвиной жилъ:
Въ ней была моя вселенна;
Въ ней себя, Творца любилъ....
Но Мальвина злой рукою,
Ахъ! другому отдана....
Грусть осталась лишь со мною;
Грусть до гроба мнѣ вѣрна!

~~~~~
~~~~~

IX.

НА ВОПРОСЪ ХЛОИ:

какой грѣхъ важнѣе на свѣтѣ?

Скажу, лишь истину имѣвъ одну въ предметѣ:
Важнѣе всѣхъ грѣховъ есть два грѣха на свѣтѣ:
Одинъ — не знавъ тебя, безъ скуки, горя жить;
Другой — узнать, и не любить!

X.

ПРЕВРАЩЕНІЕ.

Лишить Амура стрѣлъ, колчана,
Повязку съ глазъ его сорвать,
Отрѣзать крылья у тирана —
И Дружбу можешь въ немъ обнять!

XI.

ЧТО ЕСТЬ ЛЮБИТЬ?

Страшиться, ожидать, лишь слезы, сомнѣваться,
Вѣками горестей мигъ радости платить,
И смерть въ груди нося, со смертью не обняться:
Вотъ чувство сладкое! . . . вотъ что зовемъ *любить*!

XII.

ЧТО ДѢЛАТЬ?

Холодностью гордиться —
Лишь камнемъ слыть;
Съ покоемъ разпроститься —
Такъ ввѣкъ любить.

XIII.

Къ Хлоѣ.

Видѣлъ ласточку я въ полѣ;
Все кружилась и вилась:
То къ землѣ, то болѣ, болѣ
Въ поднебесную неслась;

*

Иль глядѣлась въ рѣчкѣ чистой,
Въ ней л скала образъ свой;
Или въ рощицѣ тѣнистой
Ей сгрустнулось вмигъ душой;

*

Иль за птичками гонялась,
Ихъ манила въ тонку сѣть;
Но сама въ нее попалась:
Ахъ! пришло ей умереть! . .

*

Такъ и ты, о Хлоя мила!
Сколько сердцемъ ни рѣзвись,
Сколько-бъ страстью ни шутила —
Въ сѣть увязнуть берегись!

*

Обмануть мущину-ль долго? . .
Лишь взглянуть, и вѣчно — вашъ!
Но, ахъ! дней сочтешь немного —
И себя ему отдашь.

*

Разсуди, прелестна Хлоя!
Сердцемъ перестань порхать;
Не крушася и не ноя,
Лучше мнѣ его отдать.

XIV.

КЪ МИЛОЙ * * *.

Ума, любезности натура поднесла
Тебѣ вѣнокъ въ дары, — ты скромность къ
нимъ вплела.
Ума кто твоего малѣйшу цѣну знаетъ,
Его себѣ желалъ;
Кто сердце же твое хотя на мигъ узналъ,
Свое навѣки потеряетъ!

XV.

ПОЛЮБИТЬ (*).

Полюбить — и ввѣкъ терзаться,
Горьки слезы проливать;
Потерять любовь бояться, —
Лучше и любви не знать!

Полюбить, и съ другомъ сладость
Чашей ровной испивать,
Раздѣлять съ нимъ горе, радость, —
Будешь ввѣкъ любить желать.

Полюбить, и мотылечкомъ
Видѣть милую порхать
Со цвѣточка надъ цвѣточкомъ, —
Лучше и любви не знать!

Полюбить, и душъ раздѣла
Даже тамъ не полагать,
Гдѣ душѣ не быть предѣла —
Будешь ввѣкъ любить желать.

Полюбить, и быть любиму,
Сладко смерть тогда обнять.
Видѣть друга охладиму, —
Лучше и любви не знать!

(*) Любезнѣйшій, незабвенный Д. М. Мятн. сочинилъ на эту пѣсню прекраснѣйшую музыку. Всякой разъ, слушая ее, чувствую, что отголоски чувствительной, образованной его души въ ней отдаются.

XVI.

ВЪ АЛЬБОМЪ

А. И. Б — ой.

Какъ не хвалить того, кто изобрѣлъ Альбомы!
Ему обязанъ я, что здѣсь теперь стою
Въ кругу, гдѣ милые твои друзья, знакомы,
Любовію къ тебѣ стеклись въ одну семью;
Ему-жъ обязанъ за свободу
Тебѣ на семъ листкѣ сказать:
Что, созидая Богъ природу,
Любезности примѣръ хотѣлъ въ тебѣ создать;
Ему я одолженъ за щастье помѣститься
Именъ пріятнѣйшихъ въ ряду:
И могъ ли безъ *него* когда я благомъ льститься
Хоть часъ, хоть мигъ одинъ въ году,
Быть въ памяти твоей, стоять въ твоей уборной
И думы сладкія твои подстерегать? . .
Хвала Творцу сихъ благъ принадлежитъ безспорно!
Но мнѣ ли въ будущемъ лишь радости считать?
Истерзанъ, изгнанный, по вѣтерку несомый,
Быть можетъ бѣдный сей листокъ.
Тогда-то я скажу, кляня мой лютой рокъ:
Брань вѣчная тому, кто выдумалъ Альбомы!

XVII.

ЭПИГРАММЫ.

1.

О чудо изъ чудесъ! что видѣлъ я сей часъ! . .
Розету безъ румянъ и даже безъ прикрасъ!

2.

Державина гробъ завалили
Огромной кипою стиховъ.
Что, еслибъ ожилъ онъ для насъ, какъ Фениксъ, вновъ? —
Стихи на смерть Пѣвца его-бъ вновь уморили!

3.

Какія чудеса Поэтомъ не творились! . .
Войны ударилъ громъ;
Отецъ и сынъ, не знавъ другъ друга, вмигъ сразились;
Но лишь Поэтъ махнулъ перомъ —
И жизнь ихъ спасена, мечи остановились!

4.

На мѣсто остраго кинжала Мельпоменѣ
Топоръ для силы *Чахтинъ* далъ:
Ну, подлинно, рубилъ онъ души всѣхъ на сценѣ,
И въ первы мясники трагедіи попалъ!

5.

Друзья! идетъ Бурунъ; — приходитъ смерти часъ:
Словами заморитъ онъ насъ!

6

Жаль Рифмина: его твореніе упало.
Стараясь поддержать его, кричу не мало:
Печать новѣйшая, сафьянной переплетъ!
Докучливы судьи! чего-жъ недостаетъ? . .

7.

Прославивъ Марса и Киприду,
Вѣнокъ изъ розъ отъ нихъ Горацій заслужилъ;
Вулканъ въ отмщеніе женѣ, пѣвцу въ обиду,
Горація терзать Тузова нарядилъ,
И умнымъ выборомъ имъ славно отплатилъ!

8.

Какой-то бѣдный мужъ, въ міръ лучшій отправляясь,
Харона спрашивалъ, съ боязнью озираясь:
За чѣмъ онъ черезъ Стиксъ злыхъ перевозитъ женъ?
„За нихъ-то первая мнѣ отъ Царя награда:“
Сказалъ ему Харонъ:
„Безъ нихъ вѣдь не было бы ада!“

XVIII.

ТРИ КУПЛЕТА.

(Подражаніе Франц.)

Радость, душенька, веселье!
Хоть немного обожди!
Въ сердцѣ ты на новосельѣ;
Обживись въ немъ, погости!

*

Но ты прозьбамъ не внимаешь
Самой Лизы дорогой;
„До свиданья!" отвѣчаешь; —
„Мы увидимся порой.

*

„Что здѣсь радость скоротечна,
„Тѣмъ должна милѣй быть вамъ;
„Еслибъ я могла быть вѣчна,
„Я-бъ взята была къ богамъ!"

XIX.

СМЕРТЬ АДОНИСА.

(Изъ писемъ Демутье къ Эмиліи о Миѳологіи.)

Какія сладости, какое восхищенье
Готовитъ вѣрнымъ двумъ сердцамъ
И лѣтъ и чувствъ соединенье!
Ихъ вздохъ — природы вздохъ. Съ улыбкой
их глазамъ
Все въ мірѣ предстаетъ; огонь ихъ нѣжной
страсти
Рисуетъ дня лучи безъ бури, безъ напасти.
Любезная чета умѣетъ постигать
Малѣйшій взоръ, ему умѣетъ отвѣчать.
Щастлива ли она, — ихъ щастье украшаетъ
Дарами новыми любовь!
Печальны ли друзья, — Амуръ же имъ покровъ,
И тайною рукой ихъ слезы отираетъ.
Одинъ лишь поцѣлуй, пожатіе руки,
Улыбка, слово, взглядъ, бездѣлица — движенье,
Простое нѣжности внушенье,
Два сердца близкія — и имъ бѣды легки!
О жизни, горестяхъ тогда ли помнить будемъ,
Когда себя забудемъ? . .
Ахъ, нѣтъ! повѣрьте мнѣ, что сердце про-
будивъ
Отъ сна прелестнаго, отъ райскихъ наслаж-
деній,
Ты бремя позабылъ прошедшихъ огорченій;
Ты настоящимъ лишь щастливъ!

Нѣсколько дней протекло непримѣтно для Венеры въ подобномъ состоянiи. Аполлонъ былъ забытъ; Адонисъ, или — лучше сказать — сама любовь и невинность любили въ первой разъ. Кипридину сердцу стоило много, чтобъ узнать всю цѣну сего сокровища Обладанiе имъ приносило ей тысячу наслажденiй; она не могла представить себѣ щастливѣйшаго состоянiя. Но щастiе любви кратковременнѣе всякаго другаго.

Весна укрывалась уже на островѣ Кипрѣ, и осень уступала зимѣ тронъ остальной части мiра. Возвращался Марсъ, обремененный лаврами и ласкаемый ожиданiемъ найти Киприду въ зимнемъ дворцѣ ея. Слухъ о несогласiяхъ, царствовавшихъ между Вулканомъ и его супругою, сей слухъ встрѣтилъ бога войны въ видѣ вѣстника радости. Но скоро холодный прiемъ, сдѣланный ему Венерою, разрушилъ всѣ надежды и поселилъ въ немъ подозрѣнiя.

Богъ брани зналъ, и всякому извѣстно:
Когда *прекрасная* назадъ свой даръ прелестной
Беретъ у насъ, — беретъ не для самой себя,
Но, ахъ! наслѣдникъ, для тебя!

Онъ выводилъ изъ сего разсужденiя слѣдующее: „Киприда, конечно, любитъ втайнѣ. Она проводитъ часть зимы на островѣ Кипрѣ: тутъ должно скрываться что ни-

будь — или, въ противномъ случаѣ, я не знаю женщинъ!" А Марсъ величался совершеннымъ познаніемъ сего пола и увѣренностію, что притворство онаго никогда не *проведетъ* его. И такъ онъ подглядѣлъ Венеру въ ея сельскихъ уединенныхъ прогулкахъ, и узналъ съ досадою, что не обманулся въ своихъ заключеніяхъ.

Клятва о погибели Адониса въ устахъ ревнующаго бога! Марсъ вдыхаетъ въ него свирѣпую страсть къ битвамъ, и зажигаетъ въ сердцѣ его ненасытную любовь къ опасностямъ. Адонисъ дышетъ уже одною бранью; онъ горитъ желаніемъ сразиться съ дикими звѣрями. Сія воинственная отважность блистаетъ въ глазахъ его, оживляетъ румянецъ лица и даетъ ему новыя прелести. Никогда Венера столько не любила его; никогда не дорожила столько его жизнію! „Любезный Адонисъ!" говоритъ она ему: „кто вдохнулъ въ тебя сію безразсудную отважность? или ты хочешь забыть для Діаны Венеру, тебя обожающую? Перестань поражать чудовищъ; ты рожденъ для пріятнѣйшихъ побѣдъ. Увы! санъ мой призываетъ меня нынѣ ко двору отца моего. Черезъ нѣсколько минутъ я опять съ тобою, не смо-

тря на то, со страхомъ оставляю тебя." Съ сими словами нѣжной поцѣлуй воспылалъ на устахъ прекраснаго юноши.

Колесница ея не успѣла еще вознестись къ Олимпу, какъ богъ войны является въ образѣ вепря. Подымвшаяся щетина его, грозящая пасть, сверкающіе глаза его, раздуваютъ быстрое пламя въ сердцѣ Адониса; онъ забываетъ Венеру, забываетъ самаго себя, летитъ съ быстротою молніи, настигаетъ чудовище и пронзаетъ его стрѣлою. Разъяренное животное оборачивается, нападаетъ на молодаго охотника, повергаетъ его на землю и вонзаетъ въ него убійственной клыкъ. Адонисъ падаетъ, обагренный кровію своей. Зефиръ несетъ Венерѣ послѣдній вопль любезнаго Адониса. Сей болѣзненный голосъ повторяется Венерою — и въ мигъ вѣрные голуби спускаются съ нею на землю. Богиня въ отчаяніи мчится по утесамъ и продирается сквозь тернія, терзаетъ алебастровую грудь, прекрасный поясъ и нѣжныя ноги; она бросается на своего любезнаго, рветъ на части покрывало свое, сжимаетъ открытую и глубокую рану его, перевязываетъ ее, и старается унять кровь, текущую быст-

рымъ ключемъ между пальцевъ ея: — безполезныя и поздныя старанія! Адонисъ уже не существуетъ, гаснетъ огонь глазъ его, блѣднѣетъ чело, умираетъ роза на губахъ, уподобляющихся поблекшей фіялкѣ. Нещастная любовница съ усиліемъ приподнимаетъ сіе неподвижное тѣло, сжимаетъ его въ объятіяхъ своихъ, прикладываетъ свое сердце къ его сердцу, соединяетъ пламенныя уста свои съ его холодными устами, и старается оживить ихъ дыханіемъ божественнаго огня своего: — все тщетно! Любезный Адонисъ, уже безчувственный, леденѣетъ на ея груди. Вдругъ сей смертной холодъ перебѣгаетъ въ составъ ея. Богиня содрогается, отступаетъ и падаетъ, призывая смерть. Но неумолимая увлекаетъ за собою свою жертву. Увы! . . . .

Принять послѣдній вздохъ, угасшій взоръ узрѣть
Того, кто насъ любилъ, кого душей любили,
Какъ тяжело — когда не льзя съ нимъ умереть,
Когда самихъ себя въ любезномъ пережили!

Нещастная Киприда, возненавидѣвъ безсмертіе, котораго не могла дѣлить съ любовникомъ, старалась сохранить хотя

искру отъ его жизни. Она собрала нѣсколько капель еще текущей крови его, и изъ оставшейся въ ней теплоты произвела вѣтреницу (*).

Эмблема жизни сей, цвѣтокъ любезный, милый,
Что на зарѣ блестѣлъ, а къ вечеру завялъ,
И съ нашихъ взятъ луговъ на адскій брегъ, унылый!
Цвѣтокъ! твой день одинъ намъ образъ легкокрылый,
Ахъ! образъ щастія и юности списалъ!

Венера послѣ сего превращенія соорудила на томъ же самомъ мѣстѣ храмъ въ честь Адониса. Тутъ возобновлялись каждой годъ великолѣпныя его поминки. Жители Сиріи и Греціи начали также торжествовать сей годовой праздникъ. Они носили въ первой день печальныя одежды, рвали на себѣ волосы и били себя въ грудь, оплакивая смерть Адониса. На другой же день разными веселостями праздновали воскресеніе его и причтеніе къ числу боговъ. Съ тѣхъ временъ женщины начали дѣлать то, что дѣлаютъ нынѣ — то есть:

(*) *Или анемонъ, цвѣтокъ разноколерной, растущій весною по большей части въ лѣсахъ.* — *Прим. перев.*

Мѣняютъ въ день не разъ
Тонъ, мысли, прихоти, такъ точно, какъ мѣняютъ
Цвѣтъ платья и чепцы. Въ волшебный будто часъ
Въ различныхъ лицахъ ихъ видаютъ,
Отъ радости въ слезахъ,
Отъ горести души съ слезами жъ на глазахъ,
Какъ случаи того и должность пожелаютъ.

Но истина завела меня далеко отъ басни: я опять дружусь съ послѣднею. Киприда, отдавши послѣднїй долгъ своему любезному, подумала и объ излѣченїи ранъ своихъ. Летѣвъ къ Адонису на помощь, она не чувствовала ни острыхъ утесовъ, ни колючихъ тернїй. Розовые кусты, унизанные шипами, были омыты кровью ея; нѣсколько капель брызнуло на розы: сїи цвѣты, бывшїе прежде бѣлыми, удержали съ того времени краску Венериной крови.

Вотъ для чего, когда вамъ розу подношу
И розу на груди я вашей нахожу,
Когда любуюсь ею,
(О щастїи другомъ никакъ мечтать не смѣю!)
Причину важную вотъ для чего имѣю
Мечтать, что Цитереи кровь
Въ источникъ свой втекаетъ вновь!

XX.

ЭПИТАФІЯ

Ему.

По смерти какъ *его* не похвалить? —
Всю жизнь трудился *онъ* умы всѣхъ согласить
На то, чтобы — *его* бранить!

XXI.

ВОЕННАЯ ПѢСНЬ (*).

Славяно-Россіянка отпускаетъ на войну единственнаго своего сына.

„Откуда звукъ оружій внемлю?
„Чей гласъ зоветъ карать враговъ?
„Перунъ безтрепетно пріемлю;
„Надѣюсь на моихъ сыновъ!“

✠

Рекла велика мать Россія —
И старъ и младъ спѣшатъ на брань.
Кто смѣлъ на Царствія святыя
Вознесть грозящу дерзку длань? . .

✠

Не нужны ей бойницы, стѣны;
Ей щитъ — ея Героевъ грудь.
Спѣшатъ симъ гласомъ пробужденны;
Опасности — ко славѣ путь!

✠

Спѣшатъ — восколебались домы!
Спѣшатъ оставить мирный кровъ:
Въ ихъ дланяхъ — смертоносны громы,
Въ сердцахъ — къ Отечеству любовь! —

✠

(*) Многимъ перемѣнамъ въ сей пѣснѣ обязанъ я почтенному *Издателю Рускаго Вѣстника*, хотѣвшему, конечно, ободрить на пути словесности 15-лѣтняго поэта. Можетъ быть, справедливо скажутъ: Ему пятнадцать только лѣтъ? . . . .

Тамъ старецъ внука отпускаетъ;
Сыны здѣсь отъ отца спѣшатъ;
А здѣсь, въ чьей длани мечь сверкаетъ,
Прощается здѣсь съ сыномъ матъ!

*

Сей сынъ, единственна отрада,
Одна подпора въ жизни ей,
Туда пойдетъ, гдѣ образъ ада,
Гдѣ жизнь — средь тысячи смертей.

*

Какое лютое боренье!
„Мой сынъ! прими, прими сей мечь!"
Рекла — и чувствія стѣсненье
Въ устахъ остановило рѣчь.

*

Но вновь раздался гласъ Россіи:
„Сыны! готовьтеся на брань!
„Творецъ отъ высоты святыя
„Всесильную прострeтъ къ вамъ длань.

*

„О матерь! сына ты жалѣешь;
„Но вспомни духъ Славянскихъ женъ!
„Иль Ольгѣ подражать не смѣешь? . . .
„Съ ней Святославъ былъ разлученъ.

*

„Она сама вооружала
„На брань питомца своего;
„Въ немъ жизнь, въ немъ душу полагала,
„И провождала въ бой его."

*

Мать нѣжная словамъ симъ внемлетъ,
Вздохнувъ, трепещущей рукой
Она упадшій мечь подъемлетъ:
„Мать, Царь, Отечество съ тобой!

*

„Мой сынъ! иди на бой для славы —
„Иди Россію защищать;

„Послѣдуй странъ родныхъ уставу:
„Не дважды съ честью умирать!“

*

Герой мать къ сердцу прижимаетъ;
Уста ихъ скованы! . . . Но долгъ
Отъ сердца сердце отторгаетъ;
Рекла: „съ тобой Россіи Богъ!“

*

И въ теремъ скрылася высокій . . .
Готовы вѣрные сыны;
Повсюду гласъ раздался громкій:
„Богъ съ Россами — никто на ны!“

XXII.

НАДПИСИ КЪ ПОРТРЕТАМЪ.

ГРАФА А. А. А — ВА.

Страшится ябеда пусть образа сего;
Пусть низка зависть въ немъ, какъ въ солнцѣ, пятны кажетъ:
Потомство поздное, взирая на него,
Устами истины въ примѣръ великимъ скажетъ:
„Онъ мечь съ вѣсами съединилъ —
И Сюллія въ себѣ Россіи подарилъ!“

А. А. П — ВА.

Великъ онъ шпагой и перомъ!
Аѳины въ красны дни цвѣли-бъ его умомъ;
Римъ духомъ бы его гордился:
Россія! славься имъ: онъ *твой* — *твоимъ* родился!

XXIII.

ПОСЛАНІЕ КЪ М. Е. Л — й.

Не въ домѣ пышности, гдѣ бронза, серебро
Любуются собой, вездѣ глядясь въ стекло, —
При свѣтѣ томныхъ лампъ и на кушетахъ въ златѣ;
Но липъ густыхъ въ тѣни, на шелковомъ покатѣ
Спокойнаго пруда, когда чуть-чуть шумитъ
Листами вѣтерокъ, рой пчелъ вокругъ жужжитъ,
И рыба изрѣдка поверхъ струи плескаетъ —
Сонъ сладкой на глаза повязку налагаетъ.
Въ туманѣ, иль мечтѣ, я вижу васъ, друзей!
Я вижу и тебя, о другъ души моей!
Ты собралася въ путь (*), даришь родныхъ слезою;
Домашнимъ ларамъ вздохъ — и въ руки посошокъ,
Идешь то рощицей, то золотой тропою,
То близь Церериныхъ земель, то на лужокъ,
Гдѣ Флора ласкова твое изображенье
Въ гвоздикѣ полевой тебѣ казать спѣшитъ. —
Ужь близко хижины. . . ужь милая бѣжитъ
Въ объятія мои. . . Но вмигъ обвороженье,
Мной жданный поцѣлуй, любезныя мечты,
Исчезли, дивныя! исчезла съ ними ты!
Съ тоскою, съ грустью я — и все я одинокой! . .
Ахъ! слезы падаютъ въ безмолвную струю!

(*) Разумѣется во снѣ же.

Но кто бы ожидалъ? . . Посланникъ свѣтлоокой
Летитъ ко мнѣ съ письмомъ. Я руку узнаю;
Я руку милую стократно лобызаю
И въ торжествѣ души къ Всевѣдцу восклицаю:
Тотъ щастія любить, любимымъ быть не зналъ,
Кто съ милою души въ разлукѣ не бывалъ!
О чемъ же пишешь ты? — Ты требуешь картины
Жилища моего и красныхъ, тихихъ дней,
Летящихъ съ быстротой здѣсь, среди семьи моей.
Картину моея пустынныя долины
Готовъ я начертать отъ искренней души.
Не знаю, будутъ ли предметы хороши
И краски въ простотѣ покажутся ли новы;
Но рисовать начну, — карандаши готовы.
Такъ слѣдуй же за мной, за мной води свой взоръ. —
Лѣсочки группами, цѣпь разновидныхъ горъ,
Смотрящія въ рѣку деревни три, иль болѣ,
Озерки на лугахъ росписаны по волѣ
Натуры — моего жилища весь чертежъ!
Прибавивъ къ этому родныхъ любовь, свободу,
Сосѣдство милое дѣвицъ, ты все найдешь,
Что нужно для души, любящія природу.
Ко ближнему лужку означу ли свой путь: —
Тропинки узкія меня снурой ведутъ
Межъ бархатныхъ полей и жатвой золотою,
На коей вѣтерокъ рисуется волною;
Станица предо мной влюбленныхъ мотыльковъ
То роемъ, то вдвоемъ, то одиночкой вновь!
Здѣсь дикая скала, вѣнецъ что воздымаетъ,
Из-подъ сѣдыхъ камней угрюму ель пускаетъ,
Какъ будто бы еще тѣмъ хочетъ доказать,

Что не совсѣмъ ее забыла обща мать.
Въ извилинахъ рѣка, обманывая взоры,
Рисуетъ берега и облаковъ бѣгъ скорый.
Тамъ цѣпью тянутся суда, какъ малой флотъ;
Тамъ селамъ, кажется, флагъ гордый миръ да-
руетъ;
Не дремлетъ лоцманъ, руль кряхтитъ и пѣ-
ну бьетъ
И быстрые круги далече образуетъ;
Иль жемчугомъ бѣжитъ струя въ слѣдъ челноку.
Пойду ли я потомъ къ тѣнистому лѣску: —
Здѣсь всякой мигъ душѣ пріятно измѣненье!
Здѣсь слуху и глазамъ и сердцу обольщенье!
Съ акацьей желтою тамъ сплетшися синель
Готовитъ подъ собой душистую постель,
Разстланную въ тѣни на ткани испещренной.
Унылой переливъ отъ пѣсни продолженной
Къ премѣннымъ щелкотнямъ и трелямъ соловья,
Сливаясь съ говоромъ игриваго ручья,
Роскошно духъ томитъ . . . Гдѣ я? гдѣ я? . .
не знаю,
Но чувствую душей, гармоньи въ слѣдъ летаю.
Иду ли я къ *друзьямъ* взглянуть на общій
трудъ: —
Тамъ Хлои милыя полей богатство жнутъ,
Сбираютъ классы въ снопъ, иль въ стогъ кла-
дутъ пространный,
Дѣтей-Героевъ сонмъ, и съ ними вождь избранный
Къ вѣнку изъ васильковъ съ отвагою летятъ,
Толкаются въ бѣгу и шеею валятъ.
Поодоль старики, съ волнистою брадою,
Бесѣдуютъ въ кругу, готовя лѣтній пиръ;
Среди веселія любезной, кроткой миръ
Въ ихъ пѣсняхъ слышится; — они поютъ ду-
шою.
У нихъ нѣтъ хитрости, друзей забвенья нѣтъ;

Кто разъ былъ милъ у нихъ, тотъ милымъ
вѣкъ слыветъ.
Могу сказать, что мы на свѣтъ пришли для
свѣта,
Что сонная рѣка всего забвенья — Лета
Лишь моетъ берега и стѣны городовъ;
Изъ мирныхъ же полей ее свела любовь.
Вотъ здѣсь, мой другъ! отъ бурь столи-
цы отдыхая,
Долиной тѣсною желанья ограждая,
За щастьемъ не бѣжавъ, я щастье нахожу;
Вотъ здѣсь я по лугамъ съ *Карамзинымъ* брожу,
Мечтами сладкими питаю умъ и чувства;
То слезы лью тайкомъ, то восхищаюсь вновь;
(Ты знаешь, страсть моя была вѣкъ безъ ис-
кусства!)
То на корѣ березъ пишу: *она — любовь*! . . .
То, сѣвши на челнокъ, съ весломъ въ рукѣ меч-
таю,
Что мнѣ съ трезубцемъ симъ покорна область
водъ;
Иль бросивши крючокъ съ приманкой, ожидаю,
Какъ привалитъ ко мнѣ чешуйчатый народъ,
И веселюсь, смотря, какъ рыба спинкой бле-
щетъ,
Нырнувъ ко дну, или всплывъ вверхъ, струею
плещетъ,
Терзаетъ жертву вновь — и жертвою сама!
Вотъ солнце въ пурпурѣ скатилось въ низъ
холма!
Вотъ умерло средь водъ! . . . Въ сей часъ
Творца и дружбу
Пою, Творцу и ей служу душевну службу.
О дружба, милый даръ! съ тобой печалей нѣтъ,
Тобою на землѣ все дышетъ и цвѣтетъ!

Средь свѣта ль я? когда его ты убѣгаешь,
Я въ мрачной пустынѣ, уединенъ, брожу!
Въ степяхъ ли ты со мной? — ты свѣтъ мнѣ замѣняешь!
На жизненномъ пути съ тобою нахожу
Отъ бѣдъ пристанище, отъ горя услажденье.
Кому, кому твой взоръ, слеза не утѣшенье?
Младенца нѣжнаго ты въ первой жизни день
Лелѣешь и живишь питательной рукою;
Ему же въ юности готовишь мирну тѣнь
Отъ пламени страстей, отъ слабостей — собою,
И въ старости-жъ его ты на изсохшу грудь
Зовешь еще покой со щастьемъ отдохнуть.
Когда ты сколкомъ симъ, мой другъ! довольна будешь,
Навѣрно подлинникъ сличить съ нимъ не забудешь.
Столицу ты покинь: столица какъ тюрьма!
Въ ней чувства заперты; любовь, любовь сама
Бываетъ въ ней скучна и любитъ перемѣну.
Ахъ! вѣрю я теперь, что скука ждетъ измѣну!
Къ намъ, милая! . . . тебя и Нимфы ручейковъ,
И рощи дремлющи, и Фавны приглашаютъ,
Зефиры бѣглецы тебя же призываютъ:
Къ намъ, милая! . . Тебя ждетъ дружба и любовь
И простота селянъ, и нравовъ ихъ картина.
(Любовью красится и голая пустыня!
Съ любовью и съ тобой хотѣлъ бы вѣкъ прожить!)
Ахъ! слаще, слаще здѣсь и милую любить! . .

XXIV.

ОГОНЬ и ВОСКЪ.

(*Басня.*)

Лизета съ книгою сидѣла,
А близь нее горѣла
Изъ воску яраго свѣча. — „За чѣмъ ты жжешь?“ —
Спросилъ Воскъ у Огня, минуту кажду тая.
— Такъ близко подходить вольно; ко мнѣ самъ льнешь. —
Сказалъ Огонь на то, пріятеля сжигая.

*

О вѣчно милыя! пора окончить споръ:
Мы-ль первые у васъ, иль вы у насъ въ предметѣ.
Давно ужь сдѣлали мы съ Лизой договоръ:
Другъ въ другѣ находить все щастіе на свѣтѣ.

XXV.

ПОСЛАНІЕ

къ В. Д. К.

Когда на землю бѣлой пухъ
Зима, какъ ситомъ, посыпаетъ,
Меня же въ клѣткѣ заключаетъ,
Пишу къ тебѣ, мой милый другъ!
Безъ шума, безъ прикрасъ находитъ
Перо мое довольно словъ:
Имъ чувство дружбы вѣчно водитъ,
Его чинитъ одна любовь!
Далеко отъ родима крова,
Отъ матери, сестеръ, друзей;
Мѣстами отдѣленъ отъ *ней*,
Кѣмъ жизнь цвѣла, казалась нова —
Подобно пташкѣ занесенъ
Въ безвѣстной край погодой черной;
Гнѣзда роднаго отчужденъ,
И день и ночь въ тоскѣ безмѣрной! —
Кому свою повѣритъ грусть?
Гдѣ, гдѣ бѣдняжка пріютится?
И вѣтка гибкая дичится
Ее, и лѣсъ ей дикъ и пустъ! —
Прости, любезный другъ! сравненью;
Оно дитя души волненью.
Самъ Стернъ пера былъ вѣкъ рабомъ;
Мое же сердце подъ перомъ! —
Какъ быть, что ношу мнѣ судьбина
Дала нелегкую нести,

Тяжка досталась половина;
Какъ быть! — вздохнуть и побрести,
Доколѣ странникъ утружденной
Пріищетъ уголъ отдаленной,
Гдѣ-бъ грусть съ улыбкой вспомянуть
И посохъ положивъ, заснуть.
Уже-ль въ богатой людъ проситься?
Уже-ль фортунѣ бить челомъ,
Надъ *горемыкой* умилиться
И славы наградить вѣнкомъ? . . .
Цвѣтокъ, рожденный въ низкой долѣ,
У водъ безвѣстныхъ ручейковъ,
Снесенный прихоти по волѣ
На лоно пышныхъ цвѣтниковъ,
Не проживетъ тамъ дня, конечно!
Удѣлъ мой — тишину любить
И славу въ милой находить:
Такъ въ сердцѣ начерталъ Предвѣчной!
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
. . . .
Пускай за важными столами . . .
(Могъ другу-бъ на ушко сказать;
Но нынѣ шепотъ за дверями
Бываетъ слышенъ, говорятъ;)
Пускай! . . не намъ смѣнить уставы,
Не намъ вернуть обширный свѣтъ
Съ оси, въ которой путь неправый
Давно уставилъ кругъ суетъ.
Послушай: — ручеекъ клокочетъ,
Что камушки вездѣ ему

Велятъ журчать — не такъ, какъ хочетъ,
Но по желанью своему.
Теки, ручей, шуми, сердися,
Но недруги свое возьмутъ:
Предъ ними лучше ты смирися;
А то вмигъ тиной занесутъ . . .
Такъ правда въ свѣтѣ заметется
Препоной мутною враговъ;
Ее тѣснятъ, хотя найдется
У самыхъ кладезя краевъ;
Кому важна, кому игрушка,
Пряма спиной, или стара: —
Ахъ! золотая погремушка
Сильнѣй правдиваго пера!

Оставимъ зрѣлище мы свѣта
И въ хижину мою вернемъ:
Она соломою одѣта,
Но въ ней мы дружбу обрѣтемъ,
Богату чувствами, душою —
Не блещущу, какъ на парчахъ,
Истканныхъ Азіи рукою,
Не хитрую и не въ рѣзьбахъ,
Не хладную между столпами,
Которые богатству въ дань
Несутъ Паросъ и Римъ вѣками —
Ахъ, нѣтъ! мой дружбы истуканъ
Безъ одѣяла, безъ убора,
Всегда нагъ, простъ, открытъ въ чертахъ,
Не прячется отъ ближнихъ взора,
И сердце держитъ на рукахъ.
Приди, мой другъ! полюбоваться
На часъ твореніемъ своимъ,
И если можешь, посмѣяться
Въ глаза надъ образцомъ самимъ;
Приди, я призову съ тобою
Любезность, умъ; другимъ, повѣрь,

Я дома не скажусь душою;
Для всѣхъ другихъ крючокъ на дверь!
Попросится Любовь — быть можетъ —
Придетъ бѣдняжка со слезой . . .
Ходатай-сердце ей поможетъ
И гостьѣ въ домѣ быть *большой*!
Пускай, поладя съ нею Дружба,
Союзъ устроитъ вѣковой;
То часъ отъ той Любови служба,
То Дружбы нова дань другой!
Когдажъ, по данному условью,
Ударитъ часъ — могу сказать:
Мой день румянился *любовью*,
Такъ съ *дружбой* сладко засыпать!

XXVI.

КЪ П. И. Х — ВУ,

при посылкѣ ему моей книги.

Когда злой критики *перуны*
Пугнутъ дитя моихъ трудовъ,
Возьми его подъ свой покровъ,
Любезный баловень фортуны!
Пусть вступятъ съ *ними* въ жаркой бой
И звуки чаши круговой,
И шепотъ сладостной *Шампанья*,
И братьевъ отъ души лобзанья;
Пусть шумомъ привлеченъ Амуръ,
Всемірной спорщикъ, бѣдокуръ,
Въ винѣ стрѣлу свою оправитъ,
И чашу обратя вверхъ дномъ,
Меня за твердымъ симъ щитомъ
Отъ критики громовъ избавитъ;
Пусть съ нѣгою въ кружокъ сплетя
Свободу, рѣзвость, сладострастье,
Къ намъ призоветъ *земное* щастье,
И оградитъ мое дитя: —
Быть можетъ, не взначай ввернется
Какая милая въ кружокъ,
Творцу, творенью улыбнется
И имъ совьетъ изъ розъ вѣнокъ!

XXVII.

КЪ А. И. І – НУ.

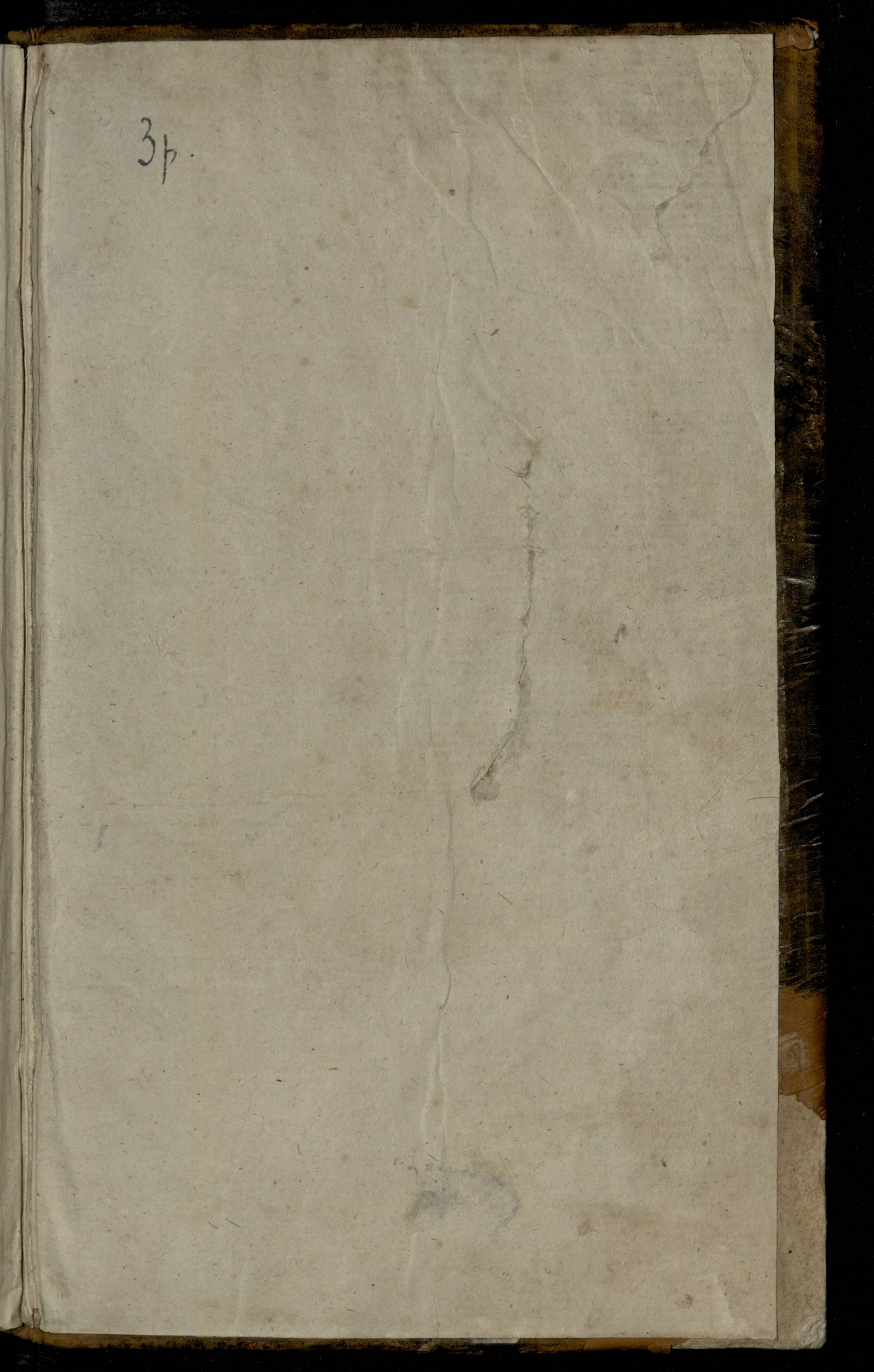
Что *Музы* съ *Грацьями* всегда въ союзѣ жили,

Ты доказалъ собой: —

Давно уже тебя *послѣднія* любили,

А нынѣ съ *первыми* я одолженъ тобой! . .

КОНЕЦЪ.

3p.

